

Сергей
Зверев

ЖИГАН

ЖЕСТОКОСТЬ
И ВОЛЯ

Жиган

Сергей Зверев

Жестокость и воля

«Научная книга»

Зверев С. И.

Жестокость и воля / С. И. Зверев — «Научная книга»,
— (Жиган)

Бывший снайпер-афганец, он же бывший зэк по кличке Жиган, а ныне бизнесмен Константин Панфилов даже не предполагал, что он встанет на пути наркодельцов, уголовников и «азербайджанской мафии». Эти люди понимают лишь язык силы, но им-то Жиган владеет хорошо. Тяжко только то, что в числе его врагов оказались бывшие однополчане.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Зверев

Жестокость и воля

Глава 1

Стрельцов вспомнил, как пуля вырвала заднюю часть черепа его напарника, как сгусток алой крови и серого мозгового вещества выпал из раны на асфальт, и ощутил неудержимый позыв к рвоте.

Его раз за разом выворачивало наизнанку, а Жиган, лежавший рядом, вспоминал, как с ним было то же самое, когда он зарезал человека ножом... В первый раз вид близкой смерти вызывает рвоту у всех, но потом некоторые привыкают...

* * *

Что может быть лучше теплого июньского дождя? Вышедшая из-за леса темная туча ненадолго застыла над Московской кольцевой автодорогой в том месте, где она пересекается с Боровским шоссе возле Рассказовки.

Вначале на землю просыпалось несколько крупных капель, затем полило так, что казалось, над головой лопнул дырявый мешок с горохом.

Спустя несколько минут темная лента шоссе сверкала, как зеркало.

Двое сотрудников патрульно-постовой службы областной Госавтоинспекции капитан Костенко и младший лейтенант Стрельцов укрылись от дождя в машине. Желто-синие «Жигули» с эмблемой ГАИ стояли на обочине шоссе.

Капитан Костенко, грузный высокий мужчина лет сорока с густыми пшеничными усами, свисавшими до самого подбородка, неуютно ерзал в тесном кресле «Жигулей».

В очередной раз глянув на циферблат наручных часов, он обратился к своему молодому подчиненному:

– Ну шо там, Стрельцов?

В его речи слышался явный украинский акцент, из-за которого многие сослуживцы беззлбно подшучивали над капитаном.

В свое время в поисках лучшей доли уроженец Черниговской области Михаил Костенко приехал в Москву и поступил на службу в органы внутренних дел. Он принадлежал к той породе людей, которых принято называть одним словом – служака.

Костенко начинал службу сержантом и вопреки скептическим ожиданиям коллег смог закончить высшую школу милиции и получить офицерские погоны.

– Не похоже, чтобы быстро кончилось, – выглянув в окно и пожав плечами, ответил Стрельцов.

– От же холера, – ругнулся Костенко, – як же мне на дожди стоять?

– Может быть, опоздают? – с надеждой спросил Стрельцов.

– Не, эти не опаздывают. От же служба наша неблагодарная.

Младший лейтенант Стрельцов шел по тому же пути, что и его старший коллега. Два года назад он отслужил срочную во внутренних войсках и по рекомендации не кого-нибудь, а самого командира полка был направлен в высшую школу милиции.

Получив на погоны первую офицерскую звездочку, Стрельцов перевелся на заочное отделение и поступил на службу в Московскую областную Госавтоинспекцию.

Сейчас вместе с Костенко он ожидал проезда правительственного кортежа.

– Восемь двадцать пять, – уныло заключил Костенко, – пора выходить.

- Так ведь дождь еще не кончился, товарищ капитан.
- Сам бачу, шо не кончився. А що зробишь?
- Может, еще пару минут подождем?
- Не, Стрельцов, выходи.

С явным сожалением младший лейтенант нахлобучил фуражку, до того лежавшую у него на колене, взял в руки полосатый жезл и вышел из патрульных «Жигулей» под дождь. Следом за ним, кряхтя и сопя, выбрался Костенко.

Крупные капли дождя забарабанили по фуражкам. Недовольно глядя на проезжающие мимо машины, водители которых с опаской косились в сторону желто-синих «Жигулей», Костенко поправил униформу и повел плечами.

- Тормози, Стрельцов.

Младший лейтенант замахал жезлом, принуждая недовольных дачников остановиться на обочине.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Костенко тут же повеселел.

- Слава тебе, господи, – выдохнул он.
- А вы боялись, товарищ капитан! – обрадованно воскликнул младший лейтенант Стрельцов. – Все как по заказу.
- Точно, – улыбаясь, кивнул Костенко.
- Стрельцов шумно вдохнул воздух.
- Хорошо-то как. Если б не эти вонючие фуры... И куда они с самого утра прут?
- Это ще сезон не начался, а вот через месяц будут круглые сутки переть.
- Все-то вы знаете, товарищ капитан, – не без ехидцы заметил Стрельцов, – везде-то вы побывали.

Костенко не относился к категории людей, знакомых с юмором и иронией. Он никогда не слышал анекдот про барина, которому такие слова сказал слуга в ответ на замечание о том, что в сарае «темно, как у негра в жопе».

– У меня опыт побогаче, – надувшись от осознания собственной значимости и важности предстоящего момента, ответил Костенко.

Со стороны шоссе раздался завывающий звук сирены.

- Едут.

Перекрыв движение с обеих сторон, гаишники пропустили цепочку машин, сзади и спереди сопровождаемых черными «Волгами» с мигалками и сиренами. Собственно кортеж состоял из нескольких длинных, как крокодилы, лимузинов с затемненными стеклами. Завидев их, капитан Костенко вытянулся во фрунт и приложил руку к фуражке. Стрельцов без особого энтузиазма последовал его примеру.

Как только машины проехали, нормальное движение на шоссе возобновилось.

Костенко с облегчением залез в автомобиль, отрапортовал по рации о прохождении кортежа, снял фуражку и вытер крупные капли пота, выступившие на лбу.

Усевшийся рядом с ним Стрельцов с легкой насмешкой спросил:

- А что вы так переживаете, товарищ капитан? Поди ж не в первый раз?
- Молодой ты еще, – наставительно сказал Костенко, – не понимаешь. Там же важные люди сидят, члены политбюро. Если с ними шо случится, тебя из офицеров так попрут... До конца жизни рядовым останешься.

Стрельцов пожал плечами.

– Хорошо хоть не расстреляют. Сейчас же девяносто первый год, а не тридцать седьмой, – он глянул в окно. – Гляньте-ка, товарищ капитан, какое солнце. Сейчас все подсохнет – и дождя как не бывало. Вот мы тут сидим, коптимся, а кто-то на рыбалочке балдеет. Завидую я вам, товарищ капитан, со следующей недели в отпуск.

– Точно, – осклабился Костенко, – еще два дня – и домой поеду, к маме, на Черниговщину. У нас там такие места. Ты, Стрельцов, на Украине бывал?

– Один раз в детстве с родителями в Крым ездили.

– Не, Крым – то не Украина. От у нас – Украина.

– Товарищ капитан, – неожиданно переводя разговор на другую тему, сказал младший лейтенант Стрельцов, – а что это они так часто ездить стали?

– Як часто? – недоуменно откликнулся капитан. – Ездют як положено.

– Нет, не скажите. Каждый день по три раза туда-сюда. Войны же вроде нет.

– То не наше дело. Ездют – значит, надо.

– Может, заболел кто?

– Кто, Горбачев? – искренне расхохотался капитан. – Дак вин же здоров, як той бычок.

Он продолжал смеяться, хлопая себя руками по ляжкам и даже не замечая, что скаламбурил.

– А хоть бы и Горбачев, что он, вечный, что ли? За три года их сколько гикнулось? Сначала Брежнев, потом Андропов, потом Черненко.

– Дык яны ж старыя были.

– Горбачев тоже не молодой, ему уже скоро шестьдесят стукнет.

– Эх, молодой ты еще, Стрельцов, – Костенко покровительственно похлопал младшего лейтенанта по плечу, – ще не разумеешь, що шестьдесят лет для мужика – самое то.

– Какое ж то, если в шестьдесят на пенсию отправляют? – фыркнул Стрельцов.

– Вин же Горбачев, кто ж яго на пенсию отправит? То ж самый главный человек в стране.

– А хрен его знает.

– Не знаешь, так не говори. Такого не бывало, щоб Генерального секретаря – и на пенсию в шестьдесят. Буде скрипеть, пакуль не загнется. И никто не гаукнет, а гаукнет – Райка яму быстро пасть захлопнет. Та ще баба... Мужик у ней в руках, як это... в ежовых рукавицах.

– Это вы правильно заметили, товарищ капитан, – согласился Стрельцов. – Знаете, кто-то даже шутку придумал на эту тему.

– Яку шутку?

– Что означает: КПСС – мир?

– Шо?

– Кто правит Советским Союзом – Миша и Рая.

– От же свистуны, – снова засмеялся Костенко. – Як ты говоришь – хто правит Советским Союзом? Ну дают. Это хто ж такое придумал?

– Народ, кто же еще.

– От народ у нас, над всем смеюца. Моя б воля, я б яго...

Костенко красноречиво сжал ладонь, поросшую рыжими волосами, и потряс кулаком перед лобовым стеклом «Жигулей».

– Я б гэты народ, як Райка Мишку.

Водитель проезжающего навстречу дохленького «Москвича», увидев протянутый в его сторону здоровенный кулачище, испуганно втянул голову в плечи и сбавил скорость. Костенко махнул ему рукой.

– Проезжай.

После этого капитан с удовлетворенным видом повернулся к своему молодому собеседнику.

– Видал? Только кулак и понимают, едрить их у мать. А ты говоришь. – Жалко, што сейчас не тридцать седьмой год. Распустились, кооператоры хреновы.

Стрельцов вытащил из кармана сигарету, щелкнул зажигалкой.

– Да не особенно их сейчас кулаком напугаешь. Свободы понюхали.

– А шо свобода? Тэ ж мне запах, – презрительно скривился Костенко. – Дай-ка мне сигарку.

Выкурив по сигарете, поругав распушенный народ, кооператоров, демократов и Горбачева, гаишники отвели душу.

– Ну шо, Стрельцов, – капитан стукнул здоровенной пятерней по плечу своего напарника, – трэба грошы для сямьи заробляць? Где наш радар?

– Вон лежит, – Стрельцов покосился на заднее сиденье. – Где ж ему быть?

– Давай-ка махнем на трассу. Будем ловить нарушителей скоростного режима.

* * *

Стрельцов подал радар капитану, а сам вышел на обочину сверкающего после утреннего дождя шоссе.

Костенко выставил радар в открытое окно желто-синих «Жигулей» и стал примериваться к проезжающим машинам. Одного явного нарушителя на белом «Запорожце» он пропустил, чем вызвал явное недоумение младшего лейтенанта.

– Товарищ капитан, он же под сто прет, не меньше.

– А шо с него взять? У яго в кармане два рубля, и це деревянные. Глянь-ка лучше на ту фуру, якая прець из Москвы.

Навстречу патрулю мчался черный «КамАЗ» с длинным полуприцепом-фурой, давно не видевшим мойки.

– Тормози, – сказал капитан.

Водитель «КамАЗа», заметив слева на обочине гаишников, и сам начал сбрасывать скорость, но было уже поздно. Младший лейтенант Стрельцов решительно взмахнул полосатым жезлом, указывая водителю на обочину напротив патрульной автомашины.

Шумно закрипев тормозами, грузовик остановился в указанном месте. Стрельцов не торопясь пропустил встречный автомобиль, после чего направился к водителю «КамАЗа», который распахнул двери кабины.

– Младший лейтенант Стрельцов, – гаишник небрежно приложил руку с жезлом к фуражке. – Ваши документы.

Водитель, невысокий чернявый тип с плохо выбритым лицом и взлохмаченными волосами, облизнул губы и зачем-то обернулся к пассажирскому креслу.

Там сидел высокий широкоплечий мужчина с грубым, словно вырубленным из дерева лицом. Проведя рукой по коротко подстриженным волосам, он едва заметно кивнул.

Эта немая сценка должна была сразу насторожить Стрельцова, но он даже не смотрел в кабину.

Водитель вынул из бардачка удостоверение и свернутую вчетверо бумажку, протянул их гаишнику.

– А в чем дело, командир? – произнес он нараспев.

В его голосе явно слышались блатные интонации.

– Правила нарушаем, гражданин... – Стрельцов развернул удостоверение, – Самарин.

– Да ты че, командир, – Самарин заерзал в водительском кресле, то и дело оглядываясь на своего спутника. – Чего я нарушил-то?

Стрельцов, еще не испорченный долгими годами службы в милиции, сурово глянул на водителя «КамАЗа».

– Во-первых, не «ты», а «вы», – с металлом в голосе сказал он. – А во-вторых, не «командир», а младший лейтенант. Вы превысили скорость. Вам на трассе сколько разрешено? Семьдесят. А вы сколько ехали?

– Семьдесят, – не моргнув глазом, заявил Самарин.

– Да? – скептически хмыкнул Стрельцов, перебирая документы. – Пройдемте-ка со мной.
– Командир, а может, так договоримся? Я тороплюсь, продукты у меня скоропортящиеся. Понимаешь? – закричал вслед удаляющемуся гаишнику водитель.

Но Стрельцов уже перешел на другую сторону шоссе и отдал документы капитану.

Водитель выпрыгнул из кабины, захлопнул за собой дверцу и, сунув руки в карманы замыганных пузырящихся брюк, подошел к милицейским «Жигулям».

– Гражданин начальник, – обратился он к Костенко, – тут младший лейтенант говорит, что я скорость превысил.

Его вызывающий тон стал виновато-заискивающим.

– Правильно говорит младший лейтенант. Дывься сюды.

– Чего?

– Гляди, говорю, сюда.

Костенко, не выходя из машины, показал шоферу дисплей радара, на котором отсвечивало красными цифрами трехзначное число.

– Да не может быть! – воскликнул шофер.

– Может, может, – засмеялся Костенко, – цей агрегат не врет. Ты мне вот шо скажи, як твое корыто на такой скорости не развалилось?

– Не знаю, гражданин начальник.

– Шо ты усе начальник да начальник? В погонах разбираешься?

– Разбираюсь.

– Ну так хто я?

– Товарищ капитан.

– Вот так и говори – товарищ капитан.

– Привычка, гражданин... товарищ капитан.

Костенко пропустил эти слова водителя мимо ушей.

– Грузеный?

– Ага.

– Шо у тебя в кузове?

– Клубника, товарищ капитан. – Самарин нервно облизнул губы.

– Якая такая клубника? Рано ж еще.

– Польская, товарищ капитан.

– Клубника – это добре, – протянул Костенко, – моя женка клубнику любит.

Несмотря на такой явный намек, шофер «КамАЗа» не торопился выполнить пожелание капитана Костенко.

– Может, я лучше штраф заплачу, товарищ капитан? – переминался он с ноги на ногу.

– И штраф заплотишь, это само собой. А вообще, – гаишник посмотрел в водительское удостоверение, – Самарин, нравятся мне твои права. Надо, наверное, их себе оставить.

– За что, товарищ капитан? – взмолился водитель. – Я же только скорость превысил.

– А на сколько ты ее превысил? Знаешь, шо за такое нарушение положено прав лишать?

– Я заплачу сколько надо, товарищ капитан. Только права не отбирайте. С копейки живу, без прав мне никак.

Костенко повертел в руках «корочки», отложил их в сторону, чмокнул языком.

– Шо, ты говоришь, у тебя у фуры?

– Да я бы с удовольствием, товарищ капитан, только клубника не моя. Из кооператива одного.

– Шо тебе важней – кооперативная клубника или свои «корки» назад забрать?

Самарин оглянулся.

– Я щас, товарищ капитан. Я только спрошу. Там сопровождающий из кооператива сидит.

– Ага, спытай своего сопровождающего, – насмешливо протянул Костенко, похлопывая «корочками» водительского удостоверения по колену.

Шофер пулей метнулся к грузовику, забрался в кабину и несколько минут что-то горячо обсуждал с пассажиром.

– Дывись, Стрельцов, – сказал Костенко младшему лейтенанту, присевшему на капот «Жигулей», – як клубники жалко. Прав не жалко, грошей не жалко, а якусь срану ягоду жалко. От люди.

Наконец шофер вышел из «КамАЗа» и зашагал по направлению к патрульному автомобилю.

Одновременно с ним из кабины выбрался и пассажир грузовика. Он обошел «КамАЗ» сзади и остановился возле двери фуры.

Стрельцов посмотрел на пассажира с некоторым недоумением. Несмотря на жаркое утреннее солнце, он был одет в почти наглухо застегнутую кожаную куртку.

«Здоровый бугай, простыл, что ли?» – подумал про себя младший лейтенант.

– Шеф дает добро, – сипло сказал водитель грузовика. – Только...

– Шо?

– Начальник, – в сердцах сказал Самарин, – иди сам выбирай.

– Ты шо, сам принести не можешь?

Шофер промывчал что-то невнятное и махнул рукой.

– От люди, – недовольно протянул Костенко, – херней маюца.

Он отложил радар в сторону, на всякий случай прихватил с собой водительские права Самарина и направился к фуре.

– Стрельцов, посиди в машине. Я сам разберусь.

Младший лейтенант уселся в машину и закурил. «Интересно, – подумал он, – поделится или нет? Кто их знает, этих хохлов, не зря же про них анекдоты рассказывают. Що не зым, то покусаю».

На голенищах хромовых сапог капитана Костенко, надраенных до зеркального блеска, отраженные солнечные лучи сверкали ярче, чем на мокрой асфальтовой полосе шоссе.

«Наверное, салом мажет? – ухмыльнулся про себя Стрельцов и тут же поправился: – Нет, сало для хохла то же самое, что водка для русского. Нет, все-таки интересно, чем он их мажет?»

Скрипя подошвами, капитан неторопливо перешел на другую сторону дороги и остановился у задней двери фуры.

– Ну давай, – недовольно сказал он, – шо там у тебя за клубника?

Детина в кожаной куртке изобразил на лице некое подобие улыбки и полез в карман джинсов за ключом: на дверях фуры висел огромный замок.

Он долго ковырялся ключом в замочной скважине, наконец отстегнул дужку, вынул ее из петли и, приподняв длинный запор, рывком распахнул дверь.

Костенко заглянул внутрь.

– А где ж твоя клубника? – непонимающе спросил он. – Одно железо и...

До слуха младшего лейтенанта Стрельцова, следившего за происходящим из кабины патрульных «Жигулей», донесся глухой звук, напоминающий удар кувалдой по тонкой стальной стенке полуприцепа.

Мгновение спустя Стрельцов увидел, как грузное тело капитана Костенко, дернувшись, упало на влажный гравий обочины.

Пуля пробила его широкий лоб и вырвала заднюю часть черепа. Сгусток крови и серого мозгового вещества вылетел из разбитого затылка и шлепнулся на землю в нескольких метрах от трупа капитана.

Костенко упал на спину почти плашмя. Его тело, не желавшее расставаться с жизнью, еще несколько раз дернулось и после смертельной агонии затихло.

Глава 2

Стрельцов застыл, ошеломленно зажав в зубах зажженную сигарету. В первый раз в своей жизни он увидел нечто, напоминающее кадры из замедленного кино.

Все это происходило прямо перед его глазами и в то же время казалось каким-то нереальным, далеким. Невозможно представить себе, что человека убивают так хладнокровно.

Только что он сидел здесь, смеялся, шел через дорогу, скрипя подошвами сапог, и вдруг – хлоп.

Этот странный звук, напоминавший удар молотком изнутри по стенке фуры, на самом деле оказался звуком выстрела.

Стрельцов вышел из оцепенения только спустя несколько мгновений, и то не по собственной воле.

Брызнули в разные стороны мелкие осколки бокового стекла милицейских «Жигулей». Младший лейтенант Стрельцов услышал какой-то визг, что-то ударилось в спинку заднего сиденья.

Это была пуля.

Пассажир «КамАЗа», который открывал заднюю дверь фуры капитану Костенко, молниеносным движением расстегнул кожаную куртку, выхватил из подмышечной кобуры пистолет и, почти не целясь, выстрелил в желто-синий милицейский автомобиль.

Несомненно, он целился в слегка ошaleвшего от происходящего младшего лейтенанта.

Только сейчас Стрельцов сообразил, что происходит. Он нырнул влево, на сиденье водителя, выронив изо рта недокуренную сигарету.

Окурок упал на резиновый коврик, разбрызгав вокруг себя фонтанчик искр, но Стрельцов не обратил внимания на такие мелочи.

Он судорожно шарил рукой по бедру, пытаясь расстегнуть кобуру и вытащить табельного «макарова».

На противоположной стороне дороги грохнул еще один выстрел.

Пуля с неприятным звуком прошла над головой младшего лейтенанта и вылетела в открытое окно пассажирской дверцы.

Если бы Стрельцов не успел вовремя упасть, его ожидала бы та же участь, что и капитана Костенко, – на этот раз преступник целился более тщательно.

Наконец Стрельцову удалось вытащить пистолет и, придерживая его одной рукой за рукоятку, другой передернуть затвор.

Утром перед выездом на патрулирование Костенко и Стрельцов, как всегда, получили табельное оружие и прошли короткий инструктаж. Никто из них и представить себе не мог, что придется пользоваться «макаровым».

В практике обычного работника Госавтоинспекции такое случается, может быть, один раз в жизни.

Стрельцову же сегодня, почти в самом начале службы, представился случай использовать табельное оружие.

Не рискуя снова подставиться под возможную пулю, младший лейтенант высунул руку с пистолетом в открытое окно машины и наугад нажал на курок. Но выстрела не последовало.

– А, черт, – ругнулся гаишник.

Ну конечно, в спешке он забыл снять пистолет с предохранителя.

Не опуская оружия, Стрельцов надавил большим пальцем на флажок, расположенный на левой стороне кожуха затвора. Но, к его изумлению, предохранитель не сдвинулся с места.

– Да что ж такое, твою мать? – в голос заорал Стрельцов.

Его вопль прервал очередной выстрел противника. Пуля с отвратительным металлическим скрежетом ударила в дверцу автомобиля, прошла ее насквозь и глухо ударилась в рулевую колонку.

Преступник, судя по всему, не терял времени даром. Каждый последующий его выстрел становился точнее предыдущего. Еще мгновение – и Стрельцова не защитит даже дверца машины. У противника наверняка в руках «ТТ». Для мощного патрона этого пистолета жигулевское железо, если его вообще можно назвать таковым, не более чем лист бумаги.

Лежа на боку, Стрельцов рванул трясущуюся руку с пистолетом на себя.

– Бляха-муха, какого хрена!

Состояние его было близко к истерике.

Он никак не мог понять, почему боевое оружие, снаряженное полной обоймой, с патроном в патроннике и взведенным курком, не стреляет.

Он принялся снова и снова давить на флажок предохранителя, пока вдруг в мозгу его не полыхнула мысль: что ж я делаю? Теперь ему все стало понятно.

«Это ж тебе не автомат Калашникова, дурья твоя голова. Вверх надо предохранитель поднимать, вверх. Вот что значит – мало занятий по стрельбе из табельного оружия».

Конечно, Стрельцову повезло. Будь его противник чуть удачливее в стрельбе, гаишнику уже на небесах пришлось бы разбираться со своим оружием.

После очередного, четвертого по счету, выстрела противника снаружи что-то грохнуло, и «Жигули» накренились на левый бок.

«По колесу выстрелил, сука, – догадался Стрельцов, – ладно, получай!»

Все еще не рискуя подставлять свою голову, гаишник снова выставил руку в окно и выстрелил три раза подряд.

Салон «Жигулей» тут же наполнился едким пороховым дымом, от которого у младшего лейтенанта защипало глаза.

Вдобавок ко всему Стрельцов хватанул ртом воздух и тут же закашлялся. Несмотря на открытые окна машины, в салоне стало нечем дышать.

К тому же, как назло, дымился на резиновом коврике непогасший окурочек сигареты.

Секунду или две на дороге было тихо. Воспользовавшись этой короткой паузой, Стрельцов изогнулся и потянул на себя ручку в дверце пассажира.

После этого он распахнул ее ударом ноги и рывками выбрался наружу. Оказавшись на обочине, он тут же устроился за колесом и осторожно глянул из-под днища.

Пот застилал глаза, кашель разрывал грудную клетку, и Стрельцову удалось разглядеть только неясный силуэт, почти сливавшийся с темным фоном лесопосадки.

– Эй, мент, – раздался громкий хриплый голос, – поднимай лапы, тебе капец.

– Ах ты, сука, – давась от кашля, воскликнул Стрельцов и еще пару раз пальнул из-под машины.

В ответ из-за фуры загремели беспорядочные выстрелы.

Пули безжалостно кромсали милицейский «жигуленок».

Младший лейтенант вжался в землю, стараясь укрыться за спасительным пяточком колеса.

Ба-бах! – это лопнул еще один баллон с левой стороны автомобиля.

Воздух с душераздирающим визгом вырвался наружу. Машина снова качнулась набок.

Стрельцов лежал, вытянувшись по струнке, моля бога только об одном – чтобы у них поскорее закончились патроны.

Он сразу же понял, что стреляли двое.

Один стоял на обочине возле фуры, второй высунулся из полуприцепа.

Именно этот второй застрелил капитана Костенко. Стрельцов, конечно, не мог видеть его, но слышал азартный крик:

– Ты еще живой, падла? Я тебя пулями накормлю, свинцом рыгать будешь.
Одна пуля чиркнула по земле в метре от скрывавшегося за колесом «Жигулей» гаишника.

Стрельцов шкурой чувствовал, как его обложили.

Но стрельба с противоположной стороны дороги неожиданно прекратилась.

В первое мгновение Стрельцову показалось, что он оглох.

Потом он сообразил: у преступников кончились патроны в обоймах, и им требуется как минимум пара секунд, чтобы перезарядить оружие.

Извиваясь, как уж на горячей сковородке, младший лейтенант принялся задом отползать в кювет. Прочертив борозду в мокром песке, он наконец-то оказался в спасительной канаве.

Перевернувшись на спину, младший лейтенант несколько раз хватанул воздух широко раскрытым ртом. Потом переполз на пару метров в сторону и, остановившись, на всякий случай проверил обойму.

– Три патрона... – пробормотал Стрельцов и сунул руку в кобуру.

Там лежала еще одна обойма.

«Надолго не хватит, – Стрельцов невпопад улыбнулся и покачал головой. – Хотя бы какая машина на дороге показалась...»

Младший лейтенант приготовился к тому, что перестрелка с секунды на секунду возобновится. Под воздействием адреналина, выброшенного в кровь, сердце пыталось вырваться из грудной клетки.

Неожиданно Стрельцов услышал какой-то резкий звук. Это с металлическим скрежетом захлопнулась дверца полуприцепа. Потом раздался крик:

– Заводи!

Осторожно высунув голову из кювета, младший лейтенант увидел, как детина в черной кожаной куртке склонился над трупом капитана Костенко.

– Ах ты сволочь, – вырвалось у Стрельцова, – мародерствуешь?

Почти не целясь, он выпустил три пули, остававшиеся в обойме пистолета, в сторону противника. Звуки выстрела почти слились с ревом двигателя «КамАЗа».

Детина, вытаскивающий из кобуры убитого капитана Костенко табельный пистолет, перегнулся пополам, выронил оружие и рухнул на колени.

– Ну что, паскуда, – воскликнул Стрельцов, – заработал?

Но радоваться оказалось рано.

Громила в кожанке вскинул руку с пистолетом и наугад, не целясь выстрелил несколько раз в сторону милиционера.

Младший лейтенант тут же нырнул в кювет, но пули, по счастью, просвистели мимо.

Пока Стрельцов торопливо вынимал из своего «макарова» пустую обойму, его противник подобрал упавший на землю пистолет капитана Костенко, сунул его за пазуху куртки, поднялся и, держась ладонью за бок, тяжело побежал к кабине «КамАЗа».

Его подгонял водитель, который, высунувшись из окна, закричал:

– Ефрем, давай быстрее!

Стрельцов дрожащими от возбуждения руками запихивал новую обойму в рукоятку своего пистолета и передергивал затвор, но грузовик с полуприцепом уже успел тронуться. Натужно ревя мотором, «КамАЗ» отъехал метров на десять.

Стрельцов потерял еще несколько драгоценных секунд, осторожно высовываясь из кювета и оглядывая дорогу. На обочине остался лежать лишь труп капитана Костенко.

Младший лейтенант выскочил из кювета, в кровь ободрав пальцы на левой руке.

– Стой! – заорал он, потрясая пистолетом. – Стой, сволочь!

«КамАЗ» набирал ход. Стрельцов успел даже заметить, как водитель грузовика высунулся из окна и что-то прокричал. Но гаишник так и не разобрал слов.

Спотыкаясь на мокром асфальте, он побежал следом за грузовиком и выстрелил несколько раз, целясь в водителя.

Уже потом, намного позже, он сообразил, что надо было стрелять по колесам. Но сейчас, в эти мгновения, младшим лейтенантом Стрельцовым двигала лишь ненависть.

– Стой, гнида, все равно не уйдешь!

Он давил на курок пистолета до тех пор, пока затвор «макарова» не застыл в заднем положении. Расстреляв всю обойму, гаишник не причинил грузовику ни малейшего вреда.

«КамАЗ» удалялся с места схватки со скоростью гоночного автомобиля.

От досады Стрельцов зло сплюнул и едва удержался от того, чтобы не швырнуть бесполезный уже «ПМ» на асфальт.

«Уйдут же, сволочи!»

Вернув затвор пистолета в нормальное положение, Стрельцов механически сунул оружие в кобуру и бросился к капитану Костенко.

Но его напарнику уже ничто не могло помочь.

Грузное тело капитана лежало в луже крови, растекшейся из громадной раны на затылочной части черепа. Над правой бровью виднелось аккуратное, идеально круглое отверстие.

Выражение лица Костенко было таким удивленным, словно перед смертью он увидел что-то необычное.

Склонившись над ним, младший лейтенант Стрельцов испытал приступ тошноты и отвернулся.

Внезапно за его спиной раздался нарастающий гул двигателя.

Оглянувшись, Стрельцов понял, почему преступники внезапно прекратили перестрелку и отправились восвояси.

На шоссе возле изувеченной милицейской машины остановилась длинная, как пожарный шланг, ярко разрисованная фура с тяжелым тягачом «Мерседесом».

Заскрипели тормоза. Из кабины высунулся водитель, розовощекий круглолицый толстяк в майке и кепке с длинным козырьком.

– Цо се здажилось? – крикнул он.

Стрельцов мотнул головой, стараясь понять, что говорит шофер. Лишь потом он сообразил, что на «Мерседесе» иностранные номера.

– Ты кто такой? – закричал гаишник.

– Польска. Разумеешь?

– Поляк, что ли?

– Так, так, – закивал водитель, – поляк.

– Только пана на мою голову не хватало... – вполголоса проговорил Стрельцов.

– Цо?

– Да ничего, – отмахнулся Стрельцов, – погоди.

Пожав плечами, поляк выбрался из кабины своего шикарного «Мерседеса» и, не решаясь идти дальше, терпеливо стоял возле машины.

Пытаясь подавить в себе брезгливость, Стрельцов осторожно повернул голову капитана Костенко и в ужасе зажмурился.

Первый раз в жизни ему пришлось вот так близко увидеть развороченный череп и перемешанные с кровью сгустки мозга.

Если бы обстоятельства не заставили Стрельцова думать об ином, его бы наверняка вырвало...

Стараясь не испачкаться в луже крови, он встал и, кривясь, на всякий случай вытер руки о галифе.

– Во бя... За клубникой пошел...

Рассеянно вертя головой по сторонам, Стрельцов почему-то остановил взгляд на фуражке капитана Костенко. Головной убор валялся метрах в семи от труп.

Неожиданно Стрельцов поймал себя на мысли – я ведь мог очутиться на его месте...

Секундное оцепенение прошло. Стрельцов быстро направился к машине, не обращая внимания на водителя-поляка.

Корпус «Жигулей» был изрешечен пулями так, словно из него пытались сделать сеточку для душа. Под ногами младшего лейтенанта хрустели стекла из разбитых окон вперемешку с кусочками отбитой краски.

Стрельцов нагнулся и, не открывая дверь, просунул голову в окно.

– Мать твою за ноги, – выругался он, увидев раскуроченную переднюю панель и вдрызг разбитую рацию.

Выпрямившись, младший лейтенант с тоской оглядел спущенные колеса искореженных «Жигулей» и покачал головой.

Неожиданно он обернулся к поляку.

– Слышь, как там тебя... пан, ты ж дальнотойщик, да? – и тут же дал самому себе ответ: «Да он, наверное, по-русски не петрит ни хрена».

Но поляк, к его удивлению, закивал головой.

– Так, так.

– А рация у тебя есть?

– Цо?

– Ну рация, радио. Понимаешь?

Стрельцов приложил руку ко рту, изображая переговорное устройство.

– Так, так, пан милициянт, розумем, – радостно закивал поляк и тут же огорошил младшего лейтенанта – Не, рации нема.

– Как нет? Должна быть.

– Так, повинна, але... як цо бендзе по-росийску... в ремонте.

– Да чтоб тебя развернуло и кинуло! – в сердцах воскликнул младший лейтенант, рубя рукой воздух.

Поляк кивнул головой в сторону лежавшего на обочине капитана Костенко.

– А цо с другим паном милициянт?

– Цо, цо, – зло передразнил его гаишник, – хрен через плечо. Не видишь, что ли, труп. Убили его.

– О, матка боска, – поляк перекрестился.

Стрельцов с ненавистью посмотрел в ту сторону, куда пару минут назад отправился «КамАЗ» с убийцами капитана Костенко. Ему даже показалось, что он еще видит заднюю стенку фуры.

Стрельцов подошел к водителю «Мерседеса».

– Слушай, пан. Навстречу тебе только что ехал «КамАЗ». Понимаешь?

– Так, так, розумем.

– Ты номера его не запомнил?

– Не, пан милициянт.

– От же люди! – раздосадованно воскликнул младший лейтенант, не замечая сам, что повторяет любимое выражение капитана Костенко.

– Ниц не можем зробить, – развел руками поляк.

– Ладно, – мотнул головой гаишник, – я сам тоже хорош, на номера внимания не обратил.

Хотя погоди, погоди... А они вообще были?

Ему удалось припомнить, что номерной знак «КамАЗа» был забрызган грязью.

– Эх, что же делать-то? – Стрельцов растерянно обернулся, проведя рукой по коротко стриженным волосам. – Что делать? Уйдут же сволочи.

На обочине дороги, неподалеку от трупa капитана Костенко, Стрельцов увидел несколько темных пятен.

– Я тебя все-таки зацепил, паскуда, – процедил он сквозь зубы.

– Цо пан милициянт поведзят? – недоуменно спросил поляк.

– А, так... – младший лейтенант подошел к водителю. – Слушай, пан, садись в свою гар-гару и езжай вперед. Понятно? Вперед, – для пущей убедительности Стрельцов махнул рукой вдоль шоссе. – Увидишь милицию, остановись и расскажи, что здесь убили капитана Костенко. Понимаешь?

– Так.

– Запомни фамилию – Костенко.

– Так, зразумялэм – Костэнко.

– А я предпринимаю меры... – Стрельцов замолк на полуслове и бросился на середину шоссе. – Стой, стой!

Он замахал руками, останавливая мчавшуюся навстречу ему черную «Волгу».

Водитель легковушки, увидев размахивающего руками милиционера, сбросил скорость и затормозил.

– Подожди! – закричал ему младший лейтенант и снова бросился к поляку-водителю.

– Так ты понял, что надо сказать? Убит капитан Костенко, а я преследую преступников.

Ну, я не знаю, как это по-вашему.

– Ты поехал... за криминальниками, – мешая русские слова с польскими, сказал поляк.

– Во-во, точно, – Стрельцов хлопнул собеседника по плечу. – Ну все, давай, друг, жми.

Младший лейтенант снова бросился к «Волге» и, распахнув дверцу, плюхнулся на место пассажира рядом с водителем.

– Давай разворачивай, – торопливо сказал он.

– Чего?

– Разворачивай, говорю. Ты что, не видишь?

– Что я должен видеть?

Стрельцов нервно заерзал в пассажирском кресле.

– Это капитан Костенко, мой напарник.

– Что с ним?

– Застрелили.

– Кто?

– Кто-кто, конь в пальто, – Стрельцов разнервничался не на шутку. – Некогда объяснять. Я тебя сейчас вообще из этой тачки выкину на хрен, а «Волгу» твою конфискую.

– Успокойся, командир, – примирительным тоном сказал водитель «Волги», – я-то не видел, что твоего капитана грохнули.

– Я тебе грохну, я тебе грохну! – в ярости завопил Стрельцов. – Разворачивай, поехали. По дороге все расскажу.

– Ладно, как скажешь.

«Волга», заурчав мотором, тронулась, описала на шоссе полукруг и внезапно остановилась.

– Ты чего?

Водитель выразительно посмотрел на труп.

– А с ним что делать? Так и будет лежать на обочине?

– Фу ты, твою мать, – Стрельцов и сам понял, что совершил ошибку, пытаясь в спешке организовать погоню. – А что ты предлагаешь?

– Кто, я? – искренне удивился водитель «Волги», крепкий молодой мужчина лет тридцати.

Его чистое открытое лицо не портили даже несколько шрамов.

– Ну да, ты. Если бы ты не сказал, я бы про него вообще забыл.
Водитель как-то странно посмотрел на младшего лейтенанта и, хмыкнув, покачал головой.

– Ну дает, жизнь... – многозначительно произнес он. – Это ж твой напарник.

– Да знаю я, знаю.

– Вон, – водитель «Волги» кивком показал на дорогу, – «горбатый» едет. Его останови и попроси присмотреть.

– Точно! – обрадованно воскликнул Стрельцов.

Выскочив из «Волги», он остановил проезжавший по дороге «Запорожец», за рулем которого сидел седовласый пенсионер в зеленых очках.

Вытащив плохо соображающего дедулю из машины, Стрельцов сбивчиво объяснил ему ситуацию и строго-настрого приказал ему находиться на месте происшествия до прибытия милиции. Закончив с пенсионером, гаишник бегом вернулся к «Волге».

– Поехали, они не успели далеко уйти.

– У тебя хоть оружие есть? – включив передачу, но не торопясь трогаться с места, спросил водитель «Волги».

– Конечно, табельный «макаров».

Младший лейтенант вытянул из кобуры пистолет и повертел им перед носом.

– Я одного подстрелил.

– Да иди ты? – недоверчиво произнес собеседник.

– Они же, суки, и в меня стреляли. Но я им тоже показал.

– А патроны у тебя остались?

Стрельцов несколько мгновений хлопал глазами и неожиданно заорал:

– Стой!

– Да я и так стою.

Младший лейтенант, матерясь под нос, снова выскочил из «Волги» и бросился к распростертому на обочине телу капитана Костенко.

Топтавшийся возле него пенсионер в зеленых очках с изумлением наблюдал за молодым лейтенантом, который склонился над трупом и сунул руку в пустую кобуру.

– Есть! – закричал он с такой радостью, как будто прямо у него на глазах капитан Костенко ожил.

Неся над головой обойму с патронами, как Данко – факел, Стрельцов снова направился к черной «Волге». Наблюдая за ним, владелец машины вполголоса произнес:

– Сколько ментов на своем веку видел, а такого придурка встречаю впервые.

Когда гаишник наконец занял место рядом с водителем, его глаза лучились искренней радостью.

– Вот, целая обойма.

– Одна? – скептически отозвался его визави.

– А что, мало? – недоумевал младший лейтенант.

Водитель недоуменно пожал плечами.

– На три секунды настоящего боя.

– Ты откуда знаешь?

– Читал...

– Ладно, – хорохорясь, заявил Стрельцов, – мы еще посмотрим, кто кого.

– Ага, – скептически протянул водитель, – смотри.

– Да ты давай, давай, дави на педали, – возбужденно сказал гаишник. – У меня обойма в моем «макарове». Или, может, сдрейфил?

Не сказав ни слова, водитель рванул с места так, что младшего лейтенанта вдавило в спинку кресла.

- Ну ты гонщик, – полувосхищенно-полунедоверчиво сказал он. – Тебя как звать-то? Водитель, не отрывая взгляда от дороги, произнес:
- Панфилов.
- Это фамилия, а имя?
- Константин, – он немного помолчал и добавил: – Петрович.
- Значит, Константин Панфилов.
- Точно.

Глава 3

– Это же такой генерал в войну был, в Великую Отечественную, – наморщив лоб, сказал младший лейтенант Стрельцов.

– Вроде был.

– А ты случайно не родственник знаменитого полководца?

– Случайно нет.

«Волга» скоро бежала по шоссе, быстро набирая скорость.

Стрелка спидометра уже миновала отметку «сто километров», но Константин не сбрасывал газ. Сто десять, сто двадцать, сто тридцать...

– Эй, эй! – неожиданно воскликнул Стрельцов.

– Что?

– Ты куда так гонишь?

– Сам же сказал – быстрее.

– Я же не знал, что ты такой лихач, – с некоторой опаской произнес младший лейтенант.

– Тогда оштрафуй меня за превышение скорости.

– Шутки у тебя какие-то...

– Я не шучу.

– Ты всегда такой серьезный?

– Я же не таксист, чтобы балагурить.

Константин немного сбросил газ, и стрелка спидометра замерла на отметке «сто десять». После этого он, совсем как таксист, спросил:

– Куда ехать-то?

– Да хрен его знает! – откровенно выпалил гаишник. – Ты когда сюда ехал, «КамАЗ» видел с фурой? Грязный такой.

– Видел, он меня чуть не снес. Я еще подумал, что водила с утра не проспался после вчерашнего.

– Это они и есть.

– Почему они? Я в кабине видел только одного, за рулем.

Стрельцов нервно заерзал в кресле.

– Как одного? Почему одного? Их там двое в кабине и еще один в кузове... как минимум.

Того, который находился в кабине вместе с шофером, я ранил.

– Значит, он лежал, – заключил Константин.

– Нет, ну правильно! – воскликнул младший лейтенант. – Все так и должно быть. Я его ранил, а он лежит в кабине. Ты его не заметил.

Милиционер заметно повеселел.

– Ты даешь, Панфилов! А еще говорят – отлично, Григорий, нормально, Константин. Ты мне это, смотри, – он шутливо погрозил ему пальцем.

– Мне вот что интересно, – усмехнулся Константин, не обращая внимания на перемены в настроении собеседника, – у вас там, гм... в конторе, правилам хорошего тона учат?

– А что? – насторожился Стрельцов.

– Вообще-то гаишник представляться должен, но ты, как я посмотрю, молодой и неопытный.

– Кто, я неопытный? Да я... Ну вообще-то, – Стрельцов вначале возмущился, но затем ему пришлось согласиться с доводами собеседника. – Вообще-то я в Госавтоинспекции недавно, хотя на срочной во внутренних войсках служил.

– Вэвэшник, значит.

Константин еще со времен своей службы помнил несколько обидных вариантов расшифровки этого сокращения, но предпочел промолчать.

– Бывший. А теперь младший лейтенант Стрельцов Георгий.

Он переложил пистолет из правой руки в левую и протянул ладонь для рукопожатия.

Константин сделал вид, будто не заметил этого жеста, и намеренно переложил руку на рычаг переключения скоростей.

– Пристегнись.

– Что? – не понял Стрельцов.

– Пристегнись, говорю. На обгон идем.

– Да ну его, – отмахнулся младший лейтенант.

Константин осуждающе покачал головой:

– Я всегда знал, что первые нарушители правил – гаишники.

– Чего?

Константин резко повернул руль влево, обходя грузовик-молоковоз, неизвестно откуда взявшийся на дороге.

Он сделал этот маневр намеренно, желая преподать небольшой урок Стрельцову. Гаишника по инерции швырнуло вначале влево, потом вправо, из-за чего он едва не выронил пистолет.

– Ты точно гонщик, – ошеломленно произнес он, выпрямляясь. – Раллист!

– Это что-то новенькое, – прокомментировал Константин, – раллистом меня еще не называли.

– А как тебя называли?

– По-разному, – уклончиво ответил Панфилов.

«Волга», накручивая километры, стремительно мчалась вперед.

Младший лейтенант Стрельцов затих в ожидании скорой встречи с преступниками. Панфилов обгонял одну машину за другой, но «КамАЗа» на широкой ленте шоссе не было.

Гаишник, вытягивая шею, нервно всматривался в каждую машину, видневшуюся впереди.

– Да где же они?

Константин скосил глаза на пистолет, плясавший в руке Стрельцова.

– Пушку убери, – сказал он. – Не ровен час нажмешь на курок. Мне еще жить охота.

– Не бойся, – напряженно вымолвил младший лейтенант, – он у меня на предохранителе.

Он все-таки пристроил «макарова» между ног, не выпуская из рук.

– Что за херовина? – снова вырвалось у него. – Куда он мог деться?

– У них фора была в пару минут.

– Мы бы их уже догнали. Это же грузовик, «КамАЗ», а не летучий корабль.

– Значит, испарились, – спокойно сказал Панфилов.

– Нет, нет, подожди. Тормози.

– Зачем? – спросил Константин, сбрасывая газ.

– Молоковоз видел?

– Конечно, мы же его минутою назад обогнали.

– А откуда он там взялся?

– То есть?

– Там же был съезд с дороги, развязочка такая, помнишь?

– Помню.

– Они наверняка туда свернули.

Без лишних слов Константин развернул машину, направляя ее к тому месту, о котором говорил младший лейтенант Стрельцов.

– Что-то я здесь этой развязки не замечал, – сказал он, выводя автомобиль на узкое шоссе, зажатое между зеленеющими полями с полосками лесных насаждений.

– А что, часто доводится ездить по Кольцевой?

– Бывает.

– Ты сам-то откуда?

– Из Запрудного.

– Я тебе по секрету скажу, – заговорщицки подмигивая, произнес Стрельцов, – это партийные начальники дорогу заказали. Отдельную, специально для высшего персонала своих дач.

– Там партийные дачи?

– А ты не знал? – с недоверием глянул на него гаишник.

– Нужны они мне, – презрительно хмыкнул Константин. – Ты лучше скажи, зачем они туда поперли? Там же наверняка охрана. Может, ты ошибся?

Вопрос этот явно поставил Стрельцова в тупик.

– Ну, до дач еще далековато... И потом, они же все за заборами... – глядя на дорогу, говорил он.

Неожиданно вопрос о дачах отпал сам собой. Стрельцов встрепенулся, вскинул руку и закричал:

– Вон, вон они!

– Вроде эти, – с сомнением сказал Константин, – только что им здесь делать? Что-то я не пойму.

– Да ты знаешь, сколько здесь всяких стежек-дорожек, потеряться хотят.

– Может, и так.

Константин нажал на педаль акселератора, догоняя «КамАЗ», но грузовик неожиданно свернул на малозаметную проселочную дорогу, которая вела между лесопосадками к деревянному мостику через узенькую речушку.

Одиноким рыболов, дремавший возле удочки на берегу, заросшем пышной зеленой травой, с изумлением наблюдал за невиданным в этих местах зрелищем.

Грузовик с громадным полуприцепом-фурой, издавая невероятный грохот, несся по проселку.

Дорога после прошедшего совсем недавно дождя уже просохла, и позади фуры вздымались клубы пыли.

В этой пыли мелькала черная «Волга», пытавшаяся пристроиться в хвост грузовику.

Водитель «КамАЗа» отчаянно выкручивал руль, стараясь не пропустить легковушку.

Из правого переднего окна «Волги» то и дело высовывался молодой парень в милицейской форме с пистолетом в руке.

Все это напоминало сцену из детективного фильма, с той лишь разницей, что действие происходило не на широких просторах какого-нибудь Техаса, а рядом с дачными поселками советской элиты.

В голове рыбака, в прошлом ответственного работника Министерства торговли, а ныне заслуженного пенсионера, при виде грохочущего «КамАЗа» возникла мысль о нерасторопности милиции.

И лишь заметив милиционера, преследующего нарушителя спокойствия вельможных окрестностей, пенсионер немного успокоился.

Дорога на противоположный берег речушки лежала через неширокий деревянный мостик.

Казалось, ни один водитель грузовика, хотя бы из инстинкта самосохранения, не решился бы пересечь это хлипкое сооружение.

Но сейчас у шофера, сидевшего за рулем «КамАЗа», не оставалось другого выхода.

Его напарник, скрючившись от боли, лежал на боковом сиденье. Пистолет марки «ТТ» он держал в залитой кровью ладони.

«КамАЗ» со страшным грохотом промчался по деревянному настилу. Задние колеса фуры при этом подпрыгнули и разнесли вдребезги несколько досок, не выдержавших такой тяжести.

Фура едва не застряла в образовавшихся дырах. К счастью для водителя «КамАЗа», ведущие колеса тягача уже оказались на твердой почве.

Страшно взревев мотором, грузовик все-таки смог выдернуть полуприцеп и благополучно миновать это препятствие.

Лишь в самый последний момент Константин успел увидеть, что произошло на мосту.

Если бы у него в запасе имелось хотя бы несколько секунд, он смог бы повернуть в сторону или затормозить. Но сейчас времени на раздумья не хватало.

– Держись, мент! – заорал он.

Панфилов что есть силы сжал руль обеими руками и вдавил педаль акселератора до упора.

Подпрыгнув на деревянном мостке, словно на трамплине, черная «Волга» ласточкой перелетела на противоположный берег.

Когда передние колеса машины ударились об утрамбованную ленту проселочной дороги, Стрельцов вылетел из пассажирского кресла и едва не продырявил головой лобовое стекло.

Лишь каким-то чудом он успел выбросить вперед левую руку и упереться ею в пластмассовую панель.

Еще мгновение – и задние колеса «Волги» также встретились с землей.

На сей раз Стрельцов ничего не успел сделать.

Младшего лейтенанта подбросило вверх, и он врезался головой в обшивку салона.

– У, бля.

Константин, отчаянно вцепившийся двумя руками в рулевое колесо, услышал глухой стук и сдавленное ругательство. Не имея возможности повернуть голову и толком рассмотреть, что же случилось, он боковым зрением уловил какое-то движение.

На всякий случай он скинул газ и плавно, насколько позволяли условия, затормозил.

Двигатель «Волги» недовольно фыркнул и заглох. Заднюю часть машины развернуло, и она остановилась почти поперек дороги.

Поднятое во время приземления густое облако стало постепенно оседать. Через полуоткрытые окна пыль набилась в салон.

Панфилов и его спутник закашлялись.

– Ну ты, бля, гонщик, – отхаркиваясь и размахивая перед собой ладонью с пистолетом, прохрипел Стрельцов. – Охренел, что ли? Мы же тут могли...

– Могли, – отряхиваясь, согласился Панфилов.

– Я чуть на капот не вылетел.

– Я же тебе говорил – пристегнись. Башка-то в порядке?

Стрельцов осторожно потрогал шишку на темени.

– Да вроде ничего. Если бы не обивка, я бы в крыше дыру пробил. – Немного оклемавшись, младший лейтенант повеселел. – А ты молоток. Я бы ни за что не решился.

– Тормозить было некогда, – ответил Константин, пытаясь завести двигатель. – Ну давай, давай, родимая.

Почувствовав на языке соленый привкус, младший лейтенант сплюнул за окно кровью.

– Тьфу ты, мать твою, – ругнулся он, – где-то губу раскровянил.

– Прикусил, наверное, когда прыгал.

– Точно... я же как мячик летал.

«Волга» упорно отказывалась заводиться. Константин поворачивал ключ в замке зажигания, но в ответ слышалось лишь натужное урчание стартера.

– Похоже, приехали.

Покончив с безуспешными попытками завести двигатель, Константин опустил руки.

– Что? Как приехали? – возмущенно завопил Стрельцов. – Нет, ты давай, давай заводи.

– Я попробую, но...

Константин вновь повернул ключ в замке зажигания.

– Ты смотри, они же уходят. Нельзя нам их терять. На хрена мы здесь, как зайцы, прыгали?

Двигатель по-прежнему не заводился, и Константин прекратил попытки.

– Ну что же ты?

– Аккумулятор сядет. Сейчас вот подожду немного и в последний раз попробую. Не заведется – значит, все.

– Твою мать, – горячился младший лейтенант, хлопая ладонью по панели. – Они уже километра на два оторвались.

Константин снова повернул ключ, стартер со скрипом провернулся, и – о чудо – двигатель взревел.

– Жива машинка.

– Гони, гони за ними!

«Волга» рванула с места, и, словно вспомнив что-то, Стрельцов торопливо пристегнулся ремнем безопасности.

За прошедшие пару минут грузовик успел промчаться мимо небольшого дачного поселка, огороженного высоким забором, пересечь железнодорожный переезд и углубиться в лес.

Дорога сильно сузилась, водителю пришлось сбросить скорость. Это сыграло на руку преследователям.

Посеребшая от пыли «Волга» на глазах у изумленных дачников промчалась мимо поселка и приближалась к железнодорожному переезду, когда на семафоре замигали красные огни и деревянная планка шлагбаума медленно двинулась вниз.

– Бляха-муха, только этого нам не хватало! – воскликнул гаишник, в отчаянии зажав зубами прокушенную губу. – Да что же это?

– Ладно, мент, хрен с тобой, – зло улыбнулся Панфилов. – Пристегнулся?

– Ага.

– Тогда держись.

На изгибе поворота метрах в ста от железнодорожного переезда показался электропоезд.

«Волга» на бешеной скорости снесла один шлагбаум, пронеслась, грохоча, через рельсы и сшибла деревянную планку шлагбаума с противоположной стороны.

Обломки досок и осколки разбитых фар брызнули в стороны.

– Фу, бля, – выдохнул Стрельцов.

Из-за спины донесся отчаянный гудок электропоезда.

– Че ты сигналишь? – отмахнулся гаишник. – Не видишь, люди торопятся?

Константин, как заправский раллист, вел машину по лесному проселку.

На ухабах машина подпрыгивала, зад «Волги» то и дело заносило в стороны.

И Константину все-таки пришлось сбросить газ. Не поворачиваясь, он спросил:

– Как твоя контора за мою машину расплачиваться будет?

– Ничего, сочтемся. Ты, главное, не отвлекайся.

Впереди между деревьями виднелись широкие просветы. Лесной участок кончился, дорога снова вышла на зеленое поле.

И тут же преследователи увидели злополучный «КамАЗ».

Похоже, водитель был уверен, что ему удалось оторваться от погони: грузовик ехал со скоростью трактора.

Стрельцов резко нагнулся влево и рванул руль в свою сторону.

– Ты что делаешь, лейтенант?

– Обходи его.

– Зачем?

– Перегородим дорогу.

– Застрянем же на поле.

– Это он застрянет.

Давя посевы, «Волга» выскочила на поле, сделала небольшой полукруг и в мгновение ока сравнялась с грузовиком.

Водитель «КамАЗа» преследователей заметить не успел.

Они выскочили перед ним на дорогу словно чертики из табакерки.

Легковушка еще не успела затормозить, когда Стрельцов отстегнул ремень безопасности и приготовился выскочить наружу.

Константин затормозил слишком поздно, и «Волгу» снесло немного в сторону. На дороге осталась примерно половина кузова.

То ли от страха, то ли от отчаяния водитель грузовика дал по газам.

Фура протаранила заднюю часть «Волги», отшвырнула ее в сторону, как спичечный коробок.

Константин даже не успел испугаться – так быстро все произошло.

Он, не отдавая себе отчета, вжался спиной в сиденье и, напрягая все мышцы, уперся руками в рулевое колесо. Такое уже было в его жизни. Мозг словно отключился, остался лишь инстинкт самосохранения.

«Волга» перевернулась несколько раз и наконец застыла вверх колесами.

Константин больно ушиб плечо и голову, а его правая нога застряла между педалями газа и тормоза.

Когда машина еще катилась по полю, он почувствовал, как на него навалился гаишник. Потом Стрельцов отлетел в сторону.

Сейчас Константин полулежал, упершись плечом и рукой в крышу салона.

Голова его была повернута в сторону дверцы, и он не мог видеть, что случилось с младшим лейтенантом Стрельцовым. Да и услышать тоже не мог: в голове звенело после ударов, как в пустой железной бочке.

Едва придя в себя, Константин потянул носом воздух. Один раз после подобной аварии он уже едва не сгорел. И сейчас ему вовсе не хотелось повторить подвиг Жанны д'Арк.

Слава богу, бензином не пахло, но это еще не означало, что не поврежден топливопровод. Горючее вполне могло растекаться снаружи по корпусу машины.

Уперевшись руками в крышу салона, Константин прежде всего освободил ногу, застрявшую между педалями. Осторожно пошевелившись, он убедился в том, что все кости целы. По крайней мере боли он не ощущал.

– Эй, мент, как там ты? Стрельцов, ты живой?

Стрельцов не откликался. Окно в двери рядом с местом водителя разбилось, и Константин решил выбираться через дверь.

Опустив ноги вниз и перегнувшись пополам, он оказался на боку. Нога его уперлась во что-то мягкое, и тут же раздался негромкий стон милиционера.

– Живой, – понял Панфилов.

Перегнувшись пополам и стараясь не навредить Стрельцову, Константин выполз наружу. Распрямившись, он лежал так несколько секунд, потом повернул голову и посмотрел в салон.

Стрельцов лежал, сложившись почти пополам. Одно его колено уперлось в крышу салона возле уха, другая нога торчала из разбитого лобового стекла.

Константин кое-как поднялся и, шатаясь, побрел вокруг машины.

Смахнув рукой со лба пыль, он заметил на своей ладони кровь. Осторожно ощупав лоб, обнаружил единственное повреждение – царапину над бровью.

– Панфилов, ты везучий, – пробормотал он себе под нос. – Другой бы шею сломал, позвоночник, а тут только царапина...

Опустившись на колени рядом со Стрельцовым, он увидел, что милиционеру повезло меньше.

Лицо его было залито кровью, одна рука неловко подвернута, другая лежала плетью.

«Что-то мне не нравится, как он лежит, – подумал Константин, – не сломал ли он позвоночник?»

– Стрельцов, ты меня слышишь? – на всякий случай спросил он.

В ответ раздался негромкий стон, и милиционер едва заметно шевельнулся.

– Ладно, может, я и не прав...

С этими словами он стал освобождать ногу младшего лейтенанта Стрельцова, застрявшую в разбитом лобовом стекле. Стрельцов снова застонал.

– Терпи, мент...

Константин перебрался к раскрытому боковому стеклу и, не теряя даром времени, сразу же потащил Стрельцова наружу.

Ему пришлось обхватить пострадавшего милиционера за пояс и тащить его ногами вперед. На сей раз Стрельцов пришел в себя – скорее всего от боли.

– А-а, – прохрипел он, – ты что делаешь?

– Тащу тебя, как покойника.

– Бля... мать...

– Хватит материться, – оборвал его Константин, – не люблю.

Он осторожно положил Стрельцова на мягкую зелень и повернул его на бок. Гаишник хрипел, стонал, но больше не ругался.

– Надо бы подальше тебя оттащить...

– Не надо, – чуть ли не со слезами на глазах выдавил из себя Стрельцов.

– Почему не надо?

– Больно.

– А если тачка рванет?

– М-м-м... тогда тащи. Только не за плечо.

Обхватив Стрельцова за ноги, Константин оттащил его метров на десять от машины.

– Поваляйся пару минут, а я сейчас.

– Стой, стой, куда ты?

– На машину гляну.

– Погоди... где мой пистолет?

– Какой тебе пистолет, мудила? – в сердцах воскликнул Константин. – Лежи спокойно.

– Табельное оружие... Мне за него голову снимут.

– Откуда ты сам на мою голову взялся?

Константин, ковыляя, поплелся к машине. Вообще-то это было очень рискованно, и он постарался не задерживаться рядом с «Волгой».

Возвращаясь назад, Панфилов увидел в нескольких метрах от себя пистолет Макарова. Он валялся среди зеленых стеблей. Пришлось сделать крюк и захватить оружие.

– На, держи свою пукалку. – Константин небрежно бросил оружие на землю рядом со Стрельцовым. – Может, тебе от этого легче станет?

Младший лейтенант заулыбался так радостно, будто его только что наградили орденом.

Константин наклонился над ним, присев на одно колено.

– Давай лучше посмотрим, что тут с тобой стряслось.

Он осторожно ощупал одну ногу гайшника, потом другую.

– Так нормально? Не болит?

– Вроде терпимо...

– Значит, все цело. Скоро на службу выйдешь. Теперь плечо свое покажи.

– Ой! – вскрикнул гайшник.

– Похоже, вывих. Ничего, сейчас попробуем вправить. Сожми-ка зубы.

– Ты что? Не трогай. А-а!

Пока Стрельцов пытался слабо возражать, Константин резко дернул его за руку в районе плечевого сустава, упершись ногой ему в подмышку.

Раздался характерный хруст, слившийся с отчаянным криком милиционера. Из глаз Стрельцова на покрытое ссадинами и царапинами лицо брызнули крупные слезы.

– Что ж ты делаешь? – захлебывающимся голосом произнес он.

– Ничего, потом спасибо скажешь, – откидываясь на спину, сказал Константин.

Пошарив у себя в кармане брюк, он обнаружил смятую пополам пачку «Кэмела». Вытащил переломанную сигарету, сунул в рот половинку и негромко спросил:

– Эй, мент, у тебя зажигалка есть?

– В нагрудном кармане, – кривясь, ответил тот, – если не потерял.

Обнаружив в указанном месте зажигалку, Константин закурил и глубоко затянулся.

– Люблю крепкие сигареты...

– Чего?

– Ничего, благодари бога, что в живых остался.

– Я в бога не верю.

– Ну и дурак...

Стрельцов вдруг явственно представил, как пуля выбивает заднюю часть черепа его напарника, как вылетает на асфальт перемешанный с алой кровью сгусток мозгового вещества, и его вырвало.

Приступы рвоты продолжались несколько минут...

– Что с тобой?

– Вспомнил, как Костенко застрелили... Противно... Там мозги по асфальту растеклись... – откашливаясь и отплевываясь от горькой блевотины, прохрипел Стрельцов.

– Ничего, это бывает.

– Тебе откуда знать?

– Где уж нам уж...

– О господи, опять...

Глава 4

Был поздний вечер, когда Константин переступил порог своей новой трехкомнатной квартиры, располагавшейся на первом этаже пятиэтажного кирпичного дома недалеко от центра Запрудного.

Он переехал сюда совсем недавно, выгодно обменяв свою прежнюю, двухкомнатную.

Кое-что, конечно, пришлось доплатить прежним хозяевам, да и ремонт влетел в копеечку – квартира находилась в ужасном состоянии.

Но теперь жилище приобрело совсем другой вид, стало уютным и чистым.

Константин жил здесь вместе с братом. У Игната была теперь собственная комната. После ранения позвоночника он передвигался по квартире в инвалидном кресле-каталке.

Забрав брата из больницы, где тот провел без малого полгода, Константин первое время очень опасался за его состояние, но не физическое, а моральное.

Пришлось выписать на дом сиделку. Сиделка оказалась пожилой, очень сердобольной женщиной, она терпеливо ухаживала за инвалидом и временами украдкой всхлипывала в уголочке.

– Такой молодой... – приговаривала она.

К сожалению, расположение прежней квартиры не позволяло Игнату совершать прогулки на улице.

Именно по этой причине Константин занялся обменом жилплощади. С первого этажа попасть на улицу гораздо легче.

К тому же Константин попросил кое-что переоборудовать и в подъезде. Теперь Игнат мог выезжать из дома и совершать прогулки во дворе самостоятельно.

Константин не хотел отказываться от услуг сиделки, но Игнат настоял на этом. Ему очень не хотелось оставаться обузой для старшего брата, и так слишком занятого.

А дел у Константина действительно было по горло.

Теперь под его началом находился целый кооператив. К нему перешли дела от покойного Большакова.

Точнее говоря, Панфилов сам стал владельцем кооператива «Радуга», затратив уйму времени на учредительные документы и хождение по исполкомовским кабинетам. Пришлось даже в Москву пару раз сгонять.

Причины отказов были самые разные.

Одни чиновники ссылались на уголовное прошлое Панфилова, другие просто не хотели связываться с человеком, замешанным в какой-то темной истории с перестрелкой где-то в лесу, и действовали по принципу – лучше перебдеть, чем недобдеть.

В общем, после разнообразных мытарств Константин Панфилов, кое-кому более известный под прозвищем Жиган, стал полноправным владельцем широкопрофильного кооператива, куда входили пошивочный цех, небольшое производство по изготовлению пластмасс, несколько торговых точек в городе и на рынке.

Вот только никак не получалось перевести под крышу кооператива «Радуга» любимое детище безвременно ушедшего Андрея Ивановича Большакова – ресторан «Луна».

Именно по делам, связанным с рестораном «Луна», Константин ранним утром отправился в Москву.

Для этого он взял лучшую машину, стоявшую на балансе «Радуги», посчитав, что солидный автомобиль придаст больше веса и его владельцу.

Да и потом, что греха таить, порой Жиган любил шикануть, пустить пыль в глаза. С тех пор как у него начали водиться деньги, он знал, какое применение им найти.

Его домашний гардероб за последнее время пополнился несколькими отличными импортными костюмами, фирменными джинсовыми парами, прекрасной импортной обувью.

Константин не жалел денег и для брата: купил ему импортное инвалидное кресло-каталку, после переезда на новую квартиру поставил в комнате Игната телевизор и видеоманитофон, постоянно приглашал на консультации врачей.

Поначалу его отношения с Игнатом вроде бы складывались нормально.

Младший брат, хоть и не без проблем, возвращался к жизни.

Волей-неволей Игнату пришлось отказаться от многолетней наркотической зависимости. Насколько это было тяжело для Панфилова-младшего, знал только он сам.

Проблема усугублялась тем, что во время пребывания в больнице, особенно в первые дни после ранения, врачам приходилось вводить Игнату наркосодержащие лекарства – чтобы облегчить боль в позвоночнике.

Но, кажется, он все-таки смог справиться с вредной привычкой и позабыть о прежних связях. Впрочем, друзья-наркоманы редко напоминали о себе. И все-таки в последнее время Константин стал замечать в поведении Игната что-то неладное.

Его брат стал реже выбираться на прогулки, настойчиво отказывался от услуг врачей, запирался в своей комнате, долго и неподвижно сидел перед телевизором. Кто-то из соседских пацанов начал таскать ему видеокассеты весьма специфического жанра.

Вот и сегодня, закрыв за собой дверь квартиры, Константин услышал доносящиеся из комнаты Игната протяжные стоны, аханья и оханья. Иногда они перемежались короткими фразами на немецком языке.

Сбросив в прихожей ботинки и повесив на вешалку безнадежно испорченный пиджак, Константин подошел к запертой двери комнаты брата и прислушался.

Да, все верно. И так на протяжении уже нескольких недель.

– Игнат, сделай тише! – крикнул Константин.

Но то ли голос его был слишком слабым от усталости, то ли по какой другой причине, но сладострастные стоны не прекращались и не затихали.

Константин, медленно потирая мышцы шеи, подошел к двери комнаты младшего брата и, повернув ручку, шагнул через порог.

Это повторялось с пугающим постоянством уже несколько недель подряд.

Игнат неподвижно сидел в инвалидном кресле перед телевизором, на экране которого мелькали обнаженные тела, гениталии, и все это сопровождалось фальшивыми женскими стонами, мужским жеребячьим ржанием и воплями.

– Игнат, я же тебя просил, сделай тише.

Панфилов-младший резко обернулся.

– Это ты?

– Я, кто же еще, – тяжело вздохнул Константин. – Опять порнуху смотришь?

Игнат взял лежавший на коленях пульт и выключил видеоманитофон. После этого он резко развернул кресло и с неожиданной горячностью выпалил:

– Почему тебе не нравится все, что я делаю? Почему ты все время дергаешь меня?

– Слушай, Игнат, я устал, мне сейчас не до этого.

– Нет, ты скажи, – не унимался брат.

– Ну что тебе сказать? Я просто попросил сделать тише, вот и все. Что тут непонятного?

– Ты не ответил на мои вопросы. – Игнат едва не кричал. – Так получается всегда. Ты не хочешь со мной разговаривать, ты только поучаешь.

Не желая ввязываться в этот бесполезный, по мнению Константина, разговор, он развернулся и вышел из комнаты. Но Игнат поехал следом за ним.

– Я понимаю, – надрывно продолжал он, – я все понимаю. Тебе некогда, тебе нет до меня дела, у тебя свои важные проблемы. Тебе же надо деньги зарабатывать.

– Да, – твердо сказал Константин, – мне надо зарабатывать деньги. Но ведь я это делаю не только ради себя.

– Неужели? – с горьким сарказмом воскликнул Игнат. – Оказывается, ты делаешь это ради меня, а я-то, дурак, требую к себе какого-то внимания.

– Ты не дурак, – спокойно произнес Константин, – и не надо передергивать.

– Ах, вон оно что. Значит, я все-таки не дурак, я просто калека. Ты хоть понимаешь, что чувствует инвалид? А ведь мне только двадцать лет. У меня уже никогда не будет женщины. Да, я смотрю порнуху, потому что мне хочется любви, мне хочется настоящего женского тела, а не картинки на экране телевизора.

– Твоя жизнь еще не закончилась. Не изводи себя.

– Да? – в глазах Игната появились слезы. – Может, ты знаешь лекарства, которые вылечивают перелом позвоночника? Врачи не знают, а ты знаешь, да?

Константин, чувствуя себя совершенно измочаленным после событий сегодняшнего дня, не нашел, что возразить Игнату. Он испытывал лишь бесконечную горечь от того, что пока ничем не может ему помочь.

– Давай мы поговорим об этом завтра, – сказал он севшим голосом, стараясь не встречаться взглядом с глазами Игната. – Мне надо залезть в ванну. Я грязный, как чертила.

– Завтра, – скептически произнес Игнат, сглатывая слезы, – всегда завтра.

Панфилов-младший даже не обращал внимания на то, что Константин пришел домой в грязных изорванных брюках и рубашке, со ссадиной на лице.

– Ну хорошо, хорошо... Я только приму душ, и мы поговорим.

– Поговорим, – каким-то бесцветным, почти обреченным голосом повторил Игнат.

Константин медленно кивнул и поплелся в ванную. Там он долго смотрел в зеркало на свою небритую испарапанную физиономию с темными мешками под глазами.

– Ну и рожа у тебя, Шараров, – мрачно усмехнувшись, произнес он.

Сбросив грязную рубашку, он присел на краешек ванны, потирая ладонью обожженное запястье левой руки.

И угораздило же его сегодня влипнуть в такую дурацкую историю.

Он и сам никак не мог понять, зачем сегодня утром остановился на шоссе. Да ладно бы просто остановился, а то сам вызвался отправиться в погоню вместе с этим полоумным гаишником.

И это при его, Жигана, застарелой ненависти к ментам.

Немного поразмыслив, Константин так и не пришел к каким-то определенным выводам. Впрочем, что такое мент-гаишник? Почти безобидное создание, занимающееся, в общем, не таким уж ненужным делом. Лохов-то на дороге хватает.

Константин вдруг поймал себя на мысли о том, что еще там, на дороге, утром он пожалел Стрельцова. И даже был готов простить младшему лейтенанту его ментовские погоны.

Но ведь это вовсе не предполагало наличия теплых чувств к этому Стрельцову.

Зачем понадобилось переться вместе с ним, рискуя собственной головой. Можно было просто отдать ему машину – хрен с ней, все равно кусок железа – и не искать приключений на свою задницу.

Неужели во всем виноват характер – эта вечная жажда азарта? Все то, что осталось в нем еще с афганских времен? Или просто недостаток острых ощущений?

«А, черт с ним, – подумал Константин, – может, когда-нибудь я себе на этом деле шею сломаю, но через себя переступить не могу. Поехал, значит, так надо, значит, по-другому не мог. Что же мне оставалось? Сидеть рядом с этим жмуриком на трассе и радоваться – какой я предусмотрительный, осторожный? Ни за что».

Он взъерошил руками волосы, упрямо тряхнув головой. Что сделано, то сделано. Незачем себя винить и укорять.

Да и в чем, собственно, винить? В гибели автомобиля? Чушь, нелепица.

Константин сбросил остатки одежды, залез под душ, включил теплую воду и с наслаждением подставил лицо упругим струям.

Нет, все-таки хорошо, что еще не начался ремонтный сезон.

Константин долго стоял под душем, чувствуя, как с каждой минутой усталость покидает его тело.

Нервы постепенно успокаивались, мышцы расслаблялись.

Немного пощипывало лишь крупную царапину на лбу, но Константин быстро забыл о ней, думая о том, что он жив, здоров, благополучно вернулся домой и никто не может помешать ему наслаждаться горячей водой.

О том, что творится с братом, он не думал. Сейчас на это нет сил.

Да, Константин прекрасно понимал Игната. В двадцать лет стать инвалидом, прикованным к креслу-каталке, оказаться вырванным из привычного круга общения, пусть даже порочного, потерять всякие жизненные перспективы – все это нелегко.

Но сколько таких ребят Константин Панфилов видел в Афганистане. Еще час назад вместе рубали тушенку из одной банки, и вот уже друга готовят к отправке в Союз «грузом двести».

Да, многие становились инвалидами, но не все при этом ломались.

Главное – найти в себе мужество жить. Именно этого мужества не хватало Игнату.

Что он видел в своей короткой жизни? На что мог опереться? Среди его друзей-наркоманов наверняка не нашлось бы ни одного, кто добровольно отказался бы от этой привычки.

Такой поступок требовал настоящего мужества и самоотречения. У этих людей Игнат ничему не мог научиться...

Сквозь шум льющейся воды Константин различил какой-то слабый звук, донесшийся из-за двери. Кажется, это похоже на металлический лязг. Константин наклонил голову в сторону, прислушался.

Звук больше не повторялся. Наверное, Игнат, передвигаясь в инвалидном кресле, за что-то зацепился.

Наконец Константин выключил воду, растерся мягким махровым полотенцем и, выбравшись из ванны, еще раз посмотрел на себя в зеркало. «Черт, запотело».

«А ну-ка, открой личико, Гюльчатай». Он протер зеркало и критически осмотрел свою физиономию. Надо бы побриться.

Обвязавшись вокруг пояса полотенцем и сунув мокрые ноги в шлепанцы, чтобы не стоять на холодном полу, Константин неторопливо приступил к процедуре бритья: тщательно взбил помазком пену, густо покрыл ею щеки, верхнюю губу, подбородок, погрел под горячей водой бритвенное лезвие.

Все это напоминало небольшой ритуал. Наверное, так оно и было на самом деле.

Ведь для чего, в сущности, предназначен любой ритуал? Для того чтобы отвлечься, успокоить нервы, достичь внешней и внутренней гармонии.

Аккуратно оттянув одним пальцем щеку, Константин провел по ней лезвием бритвы. Он наслаждался каждым движением лезвия, повторяя его снова и снова – до тех пор, пока лицо не стало совершенно гладким.

После этого он смыл остатки пены, причесал кверху еще мокрые после душа волосы, смочил щеки лосьоном после бритья, снял опоясывающее его полотенце, накинул махровый халат и, завязывая узлом пояс, вышел из ванной комнаты.

В квартире было тихо. Ни о чем не подозревая, Константин прошел на кухню, открыл ящик стола, достал оттуда пачку «Кэмела», распечатал ее, вынул сигарету и с наслаждением закурил.

Потом прошел к окну, открыл форточку и присел на подоконник, пуская дым на улицу.

Во дворе было тихо. Проехала лишь какая-то запоздавшая машина.

«Интересно, который час?»

Константин вышел в зал, глянул на круглые настенные часы. Половина второго. Наверное, Игнат не дождался его и уснул.

«Жаль пацана, – подумал Константин. – Надо все-таки завтра с утра поговорить с ним. Ему сейчас ох как трудно...»

Вначале он не хотел заходить в комнату Игната, чтобы не беспокоить его. Пусть спит.

Но тут Константин увидел тонкую полоску света, пробивающуюся из-под двери, ведущей в комнату Игната.

«Надо выключить», – подумал он.

Осторожно, стараясь не разбудить брата, Константин подошел к двери, повернул ручку и заглянул внутрь.

Сердце его вздрогнуло. Комната была пуста. Предчувствуя недоброе, Константин позвал: – Игнат.

Никто не откликнулся.

– Игнат, ты где?

Может, он в спальне? Эта комната выходила на противоположную сторону дома. Там же находился и балкон.

Константин быстро направился туда. Вошел в комнату, зажег свет.

Балконная дверь была распахнута. Рядом с ней стояло инвалидное кресло – пустое.

Страшная догадка мелькнула в мозгу Константина, но он все еще отказывался в нее верить. Метнувшись к двери, он отшвырнул в сторону жалобно скрипнувшее кресло и выскочил на балкон.

Глянув вниз, Константин понял, что не ошибся. В ночном мраке он увидел фигуру брата, распростершегося на зеленом газоне под кроной невысокого дерева. Белое пятно рубашки не оставляло никаких сомнений.

– Игна-а-а-ат!

Глава 5

Константин остановил машину во дворе городской больницы.

– Игнат, я сейчас! Ты понял меня? – крикнул он, обернувшись, как будто брат мог его слышать. – Ты только подляну мне не устрой.

Он выскочил из машины и побежал к входной двери, но она оказалась заперта.

Они что, по ночам больных не принимают?

Он принялся колотить в дверь ногой что было силы.

– Эй вы там, мать вашу, человек умирает!

Своим криком и грохотом Константин перебудил половину больницы, кроме, конечно, дежурного медперсонала. Наконец он услышал за дверью какие-то шаркающие звуки, и сонный женский голос произнес:

– Что стряслось?

– Дверь открывайте! – заорал Константин, едва сдержавшись от того, чтобы не добавить пару крепких фраз.

– Да сейчас, милоч, сейчас.

Раздался скрип поворачиваемого в замочной скважине ключа. Дверь распахнулась.

За порогом стояла пожилая медсестра с круглым румяным лицом, в белом халате и косынке.

– Что ж ты так ломишься, сынок? – укоризненно сказала она, глядя на искаженное от злости и ярости лицо Константина.

– Вы чего позапирались? Вам что, до людей уже никакого дела нет?

– Так у нас приемный покой с другой стороны, – недоуменно сказала пожилая медсестра и развела руками.

Константин сплюнул от досады, махнул рукой и убежал вниз по ступенькам.

– Эй, милоч, ты куда?

– Я сейчас, у меня тут человек.

Он подбежал к машине, открыл заднюю дверцу и, осторожно подняв на руки Игната, вытащил его из автомобиля.

– Держись, братишка...

Голова Игната бессильно откинулась назад, глаза его закатились, дыхания почти не ощущалось. Но сердце еще билось, это Константин чувствовал.

Он поднялся на крыльцо, прошел в дверь и зашагал следом за медсестрой.

– Сюда иди, милоч, вот здесь у нас приемный покой.

В маленькой тесной комнате не было ничего, кроме жесткой тахты, стула и пустого стеклянного шкафа.

– Что – здесь? – удивленно спросил Константин, оглядывая скучную обстановку комнаты, стены, выкрашенные унылой зеленой краской, обшарпанный пол.

– Здесь, – подтвердила медсестра, – сейчас дежурный врач придет.

– Какой дежурный врач? – не сдержался Константин и перешел на крик. – Ему бригада реаниматологов нужна! Реанимация в этой долбаной больнице есть?

– Успокойтесь, больной, – начала было старушка, но осеклась.

– Какой я вам больной! Это у него жизнь на волоске висит!

– Сейчас, сейчас, – засуетилась медсестра и исчезла в двери, которую Константин сразу не заметил.

Тяжело дыша, Константин опустился на тахту.

Странное это было зрелище: молодой мужчина в мятых испачканных брюках, наполовину расстегнутой на груди рубашке и незашнурованных туфлях на босу ногу держал на руках парнишку и приговаривал:

– Держись, Игнат, мы тебя починим. Все будет нормально.

Внутренняя дверь приемного покоя распахнулась.

Широким шагом вошел крепкий мужик в белом халате и шапочке, следом за ним еще один, ростом поменьше. Сзади пожилая медсестра тащила за собой металлическую тележку на колесиках.

Врачи подошли к Константину.

– Я дежурный реаниматолог Савельев, – представился высокий. – Что с больным?

– С балкона упал.

– Какой этаж?

– Первый, но высокий.

Реаниматолог обменялся странным взглядом со своим коллегой. Потом оба воззрились на Константина.

– Что вы смотрите? – зло сказал он. – У меня времени не было одеваться.

– А вы случайно не того?

– Тетка, тащи сюда свою телегу, и быстро.

Константин встал и на глазах у удивленных докторов положил Игната на каталку.

– Где тут у вас реанимация?

– Подождите, подождите, – воскликнул Савельев, – кто тут врач, я или вы?

– Слушай, Савельев, – Константин резко развернулся, – ты давно здесь работаешь?

– Второй месяц. А что?

– Оно и видно. Его зовут Игнат Панфилов, и у него была тяжелая травма позвоночника.

– А что с ним случилось?

– Пулевое ранение. Это вас устраивает? Ему не то что падать, неосторожно двигаться нельзя.

Савельев густо покраснел, и Константин машинально отметил про себя этот факт. Значит, человек еще не совсем очерствел душой.

А может, реаниматологу и вовсе не положена излишняя чувствительность. В конце концов он каждый день должен кого-нибудь с того света вытаскивать.

– Ну что ж, Андрей Петрович, – обратился Савельев к своему коллеге, – помогите... э... Как вас звать?

– Константин.

– Помогите Константину. Кстати, Андрей Петрович – хирург. А вы, Наталья Дмитриевна, – он обратился к медсестре, – срочно найдите и принесите мне медицинскую карту больного Панфилова.

Дежурный реаниматолог склонился над Игнатом, проверил зрачки, пульс, дыхание и лишь после этого дал команду:

– Везите.

Константин вместе с хирургом катили тележку по пустым коридорам больницы.

– Что с ним, доктор?

– Пока еще не знаю, но скоро выяснится. Одно могу сказать твердо – ему сильно повезло. Кем он вам приходится?

– Братом.

– Он мог бы умереть от одного болевого шока. В моей практике, увы, такое случалось. Пульс у него есть, правда, слабый, ниточный, но это дает нам шанс. Так что мы еще поборемся.

Они остановились перед широкой стеклянной дверью. Рядом на стене висела табличка «Реанимационное отделение. Посторонним вход строго воспрещен».

– А теперь извините, Константин, – сказал Савельев, – дальше вам нельзя. Посидите в коридоре. Андрей Петрович, готовьте больного.

– Хорошо, Евгений Семенович.

Хирург распахнул дверь реанимационного отделения, вкатил тележку, а Константин так и остался стоять в коридоре.

– Что же вы, – сказал Савельев, – идите отдыхайте. Вы сделали все, что могли. Теперь дело за нами.

Глава 6

– Константин, проснитесь.

Панфилов открыл глаза, почувствовав, что кто-то трясет его за плечо.

– А? Что?

– Проснитесь.

Перед ним стоял доктор Савельев.

– Что с Игнатом? Он жив? – Константин вскочил.

– Жив, жив, – сдержанно улыбнулся реаниматолог.

Улыбка получилась какой-то кривой – Савельев устал после бессонной ночи.

– Который час?

– Полседьмого.

Константин тряхнул головой и вытер рукой лицо, прогоняя остатки сна.

– Вы извините, доктор, сам не заметил, как задремал. И еще извините, что накричал.

– Ничего страшного, вас можно понять. Мне приходилось и не с таким встречаться.

Идемте в мой кабинет. Мне надо присесть, а то ноги гудят.

Они прошли по коридору, свернули направо, миновали несколько дверей с номерными табличками и наконец вошли в небольшую комнату, насквозь пропахшую, как ни странно, табачным дымом.

Обстановка кабинета была самой что ни на есть спартанской – стол, пара стульев, два шкафа, металлический и стеклянный, стандартная жесткая тахта, обтянутая потрескавшимся дерматином, и металлическая вешалка.

– Присаживайтесь куда-нибудь.

Константин опустился на тахту, прислонившись спиной к холодной стенке. Савельев закрыл за собой дверь, нерешительно потоптался рядом с тахтой, наконец вынул из кармана халата пачку «Явы».

– Хотите?

Константин вытащил из пачки сигарету и прикурил от поднесенной зажигалки.

– А как же «Минздрав предупреждает»? – с легкой усмешкой спросил он.

– А, ерунда, – закурив, реаниматолог махнул рукой. – То есть это, конечно, не совсем ерунда, но при нашей работе... В общем, это минимальный вред, который я могу причинить своему здоровью. И потом, я считаю, что вред приносит то, что человек делает без удовольствия. Если курить и укорять себя за каждую выкуренную сигарету, табак и в самом деле станет вреден.

Константин огляделся по сторонам.

– В чем дело? – спросил Савельев.

– Ищу, куда пепел стряхивать.

– Возьмите пепельницу со стола.

– А вы?

– У меня еще одна есть.

Константин поднялся с тахты и подошел к столу.

– Подходящая штука, – с легкой усмешкой произнес он, повертев в руках пепельницу в виде черепа с откинутой сверху крышкой. – Как раз для доктора.

– Коллеги подарили.

– Это вроде как с подтекстом?

– В общем, нет, просто другой не оказалось. У нас, знаете ли, в магазинах всякую ерунду можно купить, кроме того, что необходимо. А от этого черепа хоть польза какая-то.

Константин вернулся на свое место, поставил пепельницу на тахту рядом с собой и сделал несколько глубоких затяжек.

– Вы, я смотрю, тоже не особо заботитесь о своем здоровье? – заметил реаниматолог.

– Это привычка, еще с... армии, – объяснил Константин. – Только за последнее время я привык курить сигареты покрепче.

– Что имеем, – Савельев развел руками. – В общем, случай с вашим братом довольно тяжелый. Даже не знаю, как бы вам попроще объяснить.

– Как есть, так и объясняйте.

– На одну компрессионную травму позвоночника наложилась другая и ко всему этому добавился перелом костей таза. Даже удивительно, как сердце такое выдержало. Впрочем, он ведь у вас еще молод, не правда ли?

– Двадцать два.

– Двадцать два года, – задумчиво проговорил Савельев, пуская дым под потолок. – Двадцать два... А сколько всего...

– Вы уже знаете? – спросил Константин.

– Да, я читал... У него ведь были неприятности с наркотиками? Но меня в данном случае интересует другое. Как он получил ранение позвоночника?

– Это долгая история, – неохотно сказал Константин.

– А если коротко?

– Если коротко, пуля – вот и все.

– Н-да, – проговорил Савельев, барабанив пальцами по столу.

Пепел с его сигареты упал на отшлифованную локтями крышку стола.

– Черт...

– Доктор, вы не обижайтесь, – примирительным тоном сказал Панфилов. – Ничего интересного в этой истории нет. Там по большей части моя вина.

– Я не обижаюсь, – на лице Савельева появилась какая-то странная гримаса. – Недавно приехал, в городе мало кого знаю. Коллеги говорят, вы здесь личность довольно известная.

– Значит, они и обо всем остальном вам расскажут. А я о себе болтать не люблю.

– Понимаю. Я, собственно, вашим братом интересовался. Как он себя чувствовал в последнее время?

– У меня сигарета кончилась.

– Что?

– Сигарету еще можно?

– Да, да, конечно, – Савельев положил на стол пачку. – Курите сколько хотите, а я вот сделаю перерыв. Что-то голова начала кружиться.

Константин взял еще одну сигарету, чиркнул зажигалкой.

– Да, в общем, все нормально. Я ему хорошее инвалидное кресло купил. Из Германии привезли, почти по заказу. Он на прогулки мог сам выезжать. Вот в новую квартиру переехали. Поначалу было, конечно, трудно. Я сиделку нанимал. Потом Игнат отказался, сказал, что сам может за собой присмотреть.

– И что?

– Я не настаивал. Он хоть и инвалид, но молодой. Наверное, стыдно было.

– Почему стыдно?

– Ну как... Горшок и все эти дела.

– Ах, да-да... Продолжайте.

– А что продолжать? Вот так и жили.

– А как получилось, что он упал с балкона? Ведь в его состоянии это... почти невозможно.

– Что тут скажешь, доктор? Я виноват. Он ведь целыми днями один в квартире оставался. У меня дел по горло – кооператив, производство, ресторан. В общем, хрень всякая. Замотаешься за день, придешь домой, думаешь только об одном – поесть и поспать. А ему поговорить хочется, узнать, что нового. Дружки-то его так называемые все как один слиняли. Вот он и не выдержал.

– Но как же он через балкон-то перебрался? – продолжал допытываться Савельев. – Ведь нижняя половина тела у него парализована.

– Руками зацепился, как же еще?

Савельев тяжело вздохнул и протер кулаками покрасневшие после бессонной ночи глаза.

– Да, повезло ему, – повторил он, – сильно повезло. Нет, я, конечно, не в том смысле. Жив остался... хотя состояние очень тяжелое. Один раз сердце остановилось.

Константин, услышав эти слова, едва заметно вздрогнул.

– Что ж вы мне сразу не сказали?

– Знаете, это у нас в порядке вещей. Иной раз привозят таких, что только диву даешься, как он сразу богу душу не отдал. Но мы сражаемся до последнего. У нас ведь нет другого выхода. Профессия такая...

– Так что у него с сердцем?

– Удалось восстановить нормальную работу. К счастью, у него нормальные легкие и внутренние кровотечения отсутствовали. Что у вас под балконом?

– Дерево невысокое и трава.

– Тогда понятно. И перелом костей таза объяснить можно. Это все из-за долгого отсутствия нагрузки. Действительно, могло быть и хуже...

– Вы разрешите его увидеть?

– Да, конечно. Хотя не знаю, что это вам даст. Он ведь без сознания. Если не возражаете, чуть позже.

– Добро.

Константин затушил окурок и закрыл крышку пепельницы.

– А вы-то сами, доктор, откуда?

– Это, как вы говорите, долгая история, – грустно улыбнулся реаниматолог. – Родители у меня были военные, поэтому пришлось помотаться по всей стране – от Камчатки до Моздока. Но вообще-то я родился в Соликамске.

Константин хмыкнул.

– Да, известное место...

– А чем известное? – недоуменно спросил Савельев.

– «Белым лебедем».

– Это что такое?

– Зона такая есть в Соликамске. Лютое место.

– Не знаю, – врач пожал плечами, – никогда не слышал. Мы с родителями оттуда уехали, когда мне еще и двух лет не исполнилось. Перебирались туда-сюда по гарнизонам, точкам. Потом родители в Костроме осели, а я в мединститут поступил. После института по направлению фельдшером в деревне работал. В столицу, конечно, хотел попасть, но не получилось. Теперь вот здесь обосновался. Это, конечно, еще не Москва, но по крайней мере близко.

– Работа нелегкая, – покачал головой Константин.

– Другой не было – или эта, или никакой, – согласился Савельев. – Особенно трудно в ночную смену работать. Обычно все самое плохое по ночам случается. Например, на прошлой неделе ночью привезли сразу троих – в автомобильной аварии пострадали. Двое мужиков в годах уже. Одному лет сорок, другому – под пятьдесят и девчонка лет восемнадцати. Не местные, откуда-то из-под Смоленска. Куда они гнали ночью по шоссе? Теперь уже никто не узнает.

– Что, все трое?

– Да, – медленно кивнул Савельев. – И что самое смешное, если в такой ситуации уместно это слово, умирали по возрасту. Машина, «жигуленок», не вписалась в поворот, вылетела в кювет, несколько раз перевернулась и ударилась о дерево. Врач со «Скорой», который их сюда привез, вообще удивлялся, как их удалось живыми из этой консервной банки извлечь. Клиническая картина была ужасной – множественные двусторонние переломы ребер, переломы бедер, костей таза, предплечий, свода и основания черепа, ушибы головного мозга, разрывы печени и селезенки. Короче, ни одного живого места. Что один, что другой, что девушка эта. Я, откровенно говоря, на господ бога обиделся. Ну что ему стоило души этих бедолаг забрать себе сразу на месте аварии? Я-то сразу видел, что бесполезно за них бороться. Это как раз тот самый случай, когда врач бессилен что-нибудь сделать. Но я не имею права складывать руки. Я должен бороться до последнего. А вдруг получится?

– С этими не вышло?

Константин испытывал сочувствие к этому молодому парню, вынужденному едва ли не каждый день сталкиваться с человеческим горем, страданием и смертью.

– Да, с этими не вышло, – медленно закурив, сказал Савельев. – Сначала умер самый пожилой. Удивительно вообще, как он смог столько протянуть. Сердце, судя по всему, было уже слабое. Потом скончался тот, что помоложе. Дольше всего боролись за жизнь девушки. Часов пять вместе с Прошкиным на ногах провели.

– С кем?

– С Андреем Петровичем, хирургом, который тебе помогал брата в реанимационное отделение доставить. Легочное кровотечение открылось очень сильное. Хотя, казалось бы, откуда. Успела столько крови потерять... Потом сердце остановилось, массаж пришлось делать, электрошок применять, а в конце концов и прямой укол. Но ничего не помогло. Диагноз, в общем, был фатальный.

– Но вам-то не в чем себя упрекнуть?

– Вроде бы и так, однако в душе всегда остается осадок. Может, ты что-нибудь не так сделал, может, не хватило квалификации. Представьте себе – три летальных исхода за ночь.

– Это многовато.

– Вот именно.

– Я бы, наверное, сразу напился.

– Иногда это просто необходимо. Придешь с ночной смены, саданешь полстакана спирта – и спать.

– И сегодня?

– Сегодня, пожалуй, не буду. Все-таки брат ваш остался жив, хотя...

– Что? – встрепнулся Константин.

– Пугает меня одна вещь. Мы ему, конечно, обезболивающее ввели, проще говоря, наркотики, а у него в прошлом наблюдалась достаточно сильная наркотическая зависимость. Как бы на этом фоне рецидива не произошло. Но, конечно, будем надеяться на лучшее, тьфу-тьфу-тьфу... – Он три раза постучал по крышке стола.

Савельев поднялся, подошел к окну и открыл форточку.

– Проветрить надо. Главврач все время ругается. У вас, говорит, Савельев, все время в кабинете топор можно вешать. Дымите, как грузчик в порту. Какой, мол, пример подаете больным?

– Пойдем? – спросил Константин, поднимаясь с тахты.

– Да, посмотрите на своего брата и езжайте домой. Вам несладко пришлось. Вообще-то мне следовало вас отругать.

– За что? – выходя из комнаты, спросил Константин.

– Почему «Скорую» не вызвали? Ведь вы могли ох как навредить ему.

Панфилов усмехнулся и покачал головой.

– Ждать битый час, пока она приедет, и наблюдать за тем, как умирает твой собственный брат? Нет уж, извините.

– Хорошо, – чуть помедлив, проговорил Савельев, – а если бы у вас не было машины?

– А у меня ее и не было.

Реаниматолог изумленно застыл на месте.

– То есть... то есть как не было? А на чем же вы его привезли? Наталья Дмитриевна... сестра в приемном покое, сказала, что вы на «Жигулях» приехали.

– Все правильно, – подтвердил Константин, – я привез Игната на «Жигулях». Только машину я угнал.

– Что?

– Да не бойтесь, не бойтесь, доктор. Это машина моего соседа. Просто неохота ломиться среди ночи, весь дом на уши ставить, ключи просить. Я так, все по-простому сделал.

– Без ключа открыли и двигатель завели?

Константин пожал плечами.

– Это же не «Мерседес» какой-нибудь. Обыкновенный «жигуль». Открывается куском проволоки и заводится проще простого. Надо только провода изолянткой смотать.

– Ну и дела, – ошеломленно проговорил врач-реаниматолог. – Я бы и подумать не мог.

– А вы и не думайте, доктор. Ваше дело – людей с того света вытаскивать.

* * *

Наконец-то он мог выспаться. Но сначала необходимо позвонить на работу. Трубку подняла секретарша.

– Аллю, – томным голосом проворковала она, – кооператив «Радуга» слушает.

– Жанна, это я.

– Ой, Константин Петрович, – радостно воскликнула она, – куда вы подевались? Мы вас со вчерашнего дня найти не можем.

– Так, пришлось задержаться в Москве.

– Вы все уладили, Константин Петрович?

– Нет, придется ехать еще раз.

– Тут машина нужна в район съездить.

– Нет машины.

– А что случилось?

– Разбил я ее, – коротко сказал Константин.

В трубке послышалось оханье секретарши.

– Но с вами-то все в порядке, Константин Петрович?

– Все нормально, Жанна. Мужчиной я еще быть не перестал.

Жанна захихикала.

– Все-то вам шуточки, Константин Петрович. А я, между прочим, переживала.

Панфилов знал, что двадцатилетняя секретарша влюблена в него.

К сожалению или к счастью, он не отвечал ей, предпочитая следовать известной рекомендации: не спи, где работаешь, и не работай, где спишь.

– Со мной всегда все в порядке, Жанна. Я появлюсь часа в четыре.

– Поняла, Константин Петрович, – в голосе секретарши промелькнуло что-то вроде сожаления.

Константин положил трубку, на всякий случай отключил телефон и, кое-как добравшись до постели, рухнул на нее без сил.

События прошедших суток так измотали его, что он спал, не видя снов, будто провалился в какую-то черную дыру.

Было восемь часов утра.

Глава 7

В это утро баба Нюра проснулась рано, едва только в оконце забрезжил свет. Настенные ходики с кукушкой остановились, и баба Нюра не знала, который час.

– Вот дура старая, – ругала она себя, – забыла с вечера гири поднять.

Выйдя на улицу, она ополоснула лицо холодной водой из рукомойника, утерлась висевшим тут же на веревке полотенцем и проковыляла к сараю.

Дом бабы Нюры, такой же старый, как и она сама, стоял на самой окраине деревни. И старуха уже давно просила председателя помочь ей залатать прохудившуюся крышу.

Тот все обещал и обещал, а в сенях бабы Нюры продолжало литься. Вот и вчера после дождя пришлось выносить в сени ведра, подставлять под струи, чтобы совсем не залило.

Несмотря на свой возраст, баба Нюра была еще крепкой старухой. До недавних пор она держала корову. Да только вот в прошлом году ее Пеструшка споткнулась и сломала переднюю правую ногу. Приходил ветеринар, но ничем бедняжке помочь не смог.

– Стара твоя корова, баба Нюра, – сказал он. – Сколько ей годков-то?

– Да уж десять, почитай.

Пришлось Пеструшку сдать на мясо. Деньги, вырученные за говядину, баба Нюра положила в чулок и спрятала в сундук, стоявший в дальнем углу избы.

А вместо Пеструшки завела она себе козу. Манька исправно давала жирное вкусное молоко. А всего-то ей надо было травку пощипать да в сарайчике на соломе полежать.

Баба Нюра подоила Маньку, отнесла молоко в погреб, вывела козу со двора на лужайку за огородом, привязала ее к колышку, вбитому в землю, и строго-настрого приказала никуда отсюда не уходить. Манька проблеяла в ответ что-то, будто соглашаясь.

– Погуляй тут, а я в лес сбегая. Ноне тепло и дожди идут. Грибная пора пришла. Вон соседские дети вчера полведра подосиновиков принесли. Надо и мне грибочками побаловаться.

Баба Нюра взяла лукошко, заперла избу, спрятала ключ под крылечко и пошла по тропинке к лесу.

Любила она грибную охоту еще с детства. Собирала она и ягоды, и травы лечебные, но особенно жаловала грибочки. Грузди и рыжики у бабы Нюры получались отменные.

Да вот жаль, угощать некого. Старик-то ее помер лет десять назад, а детей завести они так и не сподобились. Врачи говорили, что во всем вина виновата проклятушая.

Тогда молодая девчонка Нюрка вместе с другими деревенскими бабами и пахала на себе, и сеяла, и урожай собирала. Даром-то оно ничего не дается. И в поясице ее согнуло рано. Так что ходила теперь баба Нюра, опираясь на крепкую палку.

Солнце уже наполовину вышло из-за зубчатой кромки леса и грело землю первыми горячими лучами. В лесу раздавались утренние песни птиц, а за спиной в деревне голосили петухи.

– Поздно просыпаться стали, – проворчала баба Нюра. – Разленились все...

Она прошла вдоль опушки, но повсюду находила только остатки срезанных ножек.

«Видно, тут вчера соседские побывали, – подумала баба Нюра. – Пойду-ка я поглубже».

Вначале она шла вдоль тропинки, извивавшейся между деревьями. Потом свернула в сторону и тут же нашла первый подберезовик.

– Здравствуй, красавец ты мой.

Изогнутыми узловатыми пальцами она ловко вывернула гриб из мха и отправила его в лукошко. Над головой в кроне высокой ели что-то застрекотало.

– Свят, свят, свят, – перекрестилась баба Нюра, – тебе, филин, уж спать пора.

В ответ ухнула над головой птица, с шумом взмахнула крыльями и исчезла в лесной чаще.

– Не к добру это, – нахмурилась баба Нюра, – дурной знак.

Потом ее внимание привлек еще один подберезовик, потом подосиновик. И баба Нюра позабыла о дурных приметах.

Так она ходила по лесу часа полтора, собирая в лукошко грибы, отмечая места, где цвела земляника, где росли лекарственные травы.

Солнце уже висело над верхушками деревьев, поднялся легкий ветерок, зашумели ветки.

Хорошо, что горожане сюда не добираются. И Москва вроде бы недалеко, а место здесь сохранилось тихое, спокойное. Ни тебе дачников, ни заводов с дымящими трубами. В речке даже рыба водится. Есть еще места в Подмоскowie...

Баба Нюра вдруг остановилась и потянула носом. Ага, только подумала про чистый воздух – и тут же гарью потянуло.

Костер в лесу жгли ночью, что ли? Она принялась. Нет, не похоже на запах горелой древесины. Тянуло чем-то противным, удушливым. Ох уж эти горожане, все-таки нагадили.

Вскоре баба Нюра вышла на узкую лесную дорогу. После дождей, которые регулярно шли в течение последней недели, колея раскисла, кое-где в неглубоких ямках стояла вода.

Эту дорогу баба Нюра хорошо знала. Она шла от соседней деревни через весь лес, выходила на широкое кукурузное поле и километрах в десяти отсюда упиралась в асфальтированное шоссе.

По дороге этой теперь ездили редко, разве что председатель на своем «козле», чтобы сократить путь до поля. А вообще-то вокруг леса шел хороший песчаный проселок, широкий и без ухабов.

Но сейчас, к своему удивлению, баба Нюра увидела на лесной дороге еще почти свежие следы широких шин. Она остановилась сбоку у дерева и недоуменно покачала головой.

«Неужто Николай, тракторист, на своем „пердуне“ здесь тащился? Вроде не похоже. У трактора следы другие».

Размышляя таким образом, старуха медленно ковыляла по тропинке вдоль глубокой, прорезанной корнями деревьев колеи. Запах гари становился все противнее.

«Не иначе, как городские дрянь какую привезли. Думают, раз никого нет, значит, можно помойку устраивать. Знаю я их, было уже такое».

Однажды, пару лет назад, через всю деревню проехал громадный самосвал, остановился на опушке леса и скинул из кузова целую кучу прогнивших картонных ящиков. Потом развернулся – и ходу.

Местные, конечно, пошли узнать, что же это он там такое выбросил. В картонных коробках оказалась колбаса. Тоненькая такая, длинная, высохшая совсем, позеленевшая, в покрытой плесенью оболочке.

Кто побрезгливей, конечно, трогать не стал, а иные по десять палок нагрузили, домой потащили.

Баба Нюра к этой дряни даже не притронулась, а вот соседские ели и нахваливали. Еще приходили, набирали. Но за пару дней всю эту колбасу собаки растащили. А по ночам, наверное, и зверь лесной приходил.

Может, и сейчас какую заразу вроде той колбасы выкинули? Чтоб никому не досталось – бензином облили и сожгли. А то отчего ж так воняет-то?

Баба Нюра вышла наконец на широкую лужайку между деревьями и в нерешительности замерла.

Дорога проходила мимо лужайки, сворачивая налево, дальше в лес. На этом месте раньше находилось болотце.

Баба Нюра еще девчонкой бегала сюда за брусникой. Потом болотце высохло и остался кочковатый луг, поросший густой травой. Размерами он был невелик, и с трех сторон его окружал лес.

– Господи Иисусе, пресвятые угодники и Богородица, – перекрестилась старуха.

Такого она не видела даже во времена войны.

Фронт, слава богу, не дошел до этих мест, хотя какая-то воинская часть стояла неподалеку от деревни. А однажды даже перед домами прогрохотали танки.

На лужайке, в черном кольце выгоревшей земли и травы, стоял остов огромного грузовика с прицепом.

Что это был за грузовик, баба Нюра не знала и при всем желании узнать уже не могла, потому что грузовик сгорел дотла вместе с прицепом.

Жар от огня был, наверное, таким сильным, что ветки ближайших елей, расположенных метрах в двадцати пяти от машины, пожухли и скрючились.

Одному богу известно, почему огонь не распространился дальше. Возможно, почва после дождей еще сохраняла влагу, или болотце высохло не до конца, и под верхним слоем почвы стояла вода.

Во всяком случае, сгорела только трава, хоть и на большом расстоянии вокруг машины.

– Это что ж тут стряслось-то, – пробормотала баба Нюра, не решаясь сдвинуться с места.

Впрочем, однажды, еще в пятидесятые годы, тогда еще тетка Нюра видела, как на колхозном поле горел трактор.

Тракторист пахал землю на стареньком гусеничном «сталинце». Неподалеку на окраине леса женская бригада корчевала пни.

День стоял ясный, но внезапно небо затянуло черными тучами, загредел гром, и одна за другой стали полыхать ослепительно яркие молнии. Женская бригада укрылась в лесу, а тракторист остановился, выскочил из кабины и побежал по полю.

И тут в расколовшемся пополам небе сверкнуло что-то ослепительно белое и опустилось прямо на трактор.

«Сталинец» вспыхнул, как свечка. Дождь скоро прекратился, а трактор горел до тех пор, пока от него остались одни гусеницы.

Вот тогда баба Нюра и узнала, что железо может гореть не хуже бумаги.

Потом, конечно, разразился шум, приезжала комиссия из района, проверяла, был ли акт вредительства. Чудом уцелевшего тракториста люди в серой форме с малиновыми погонами увезли в райцентр.

Но работники колхоза из женской бригады рассказали все, что увидели, и тракториста выпустили.

Может, в тридцать седьмом он и сел бы лет на пятнадцать без права переписки – за то, что бросил в поле народное добро, тем самым допустив преступную халатность.

А тогда, после войны, люди в колхозах ценились на вес золота, особенно мужики. С фронта ведь мало кто вернулся живым и здоровым.

Но там, на поле, был маленький трактор, а тут громадная махина с прицепом.

Баба Нюра, зачем-то оглядываясь по сторонам, обошла под деревьями полянку и остановилась напротив кабины.

Крыша у грузовика отсутствовала. Полосы наполовину расплавившегося металла свисали вниз, закрутившись, как бигуди на голове жены агронома Настасьи.

Из кабины, вернее, ее остатков, торчал оплавленный двигатель, похожий на комок застывшего теста.

Кажется, там находилось что-то еще, но баба Нюра, как ни присматривалась, не могла разглядеть. Зрение-то ведь уже не то.

Вот раньше она с другого конца поля могла разобрать, кто едет – бригадир или председатель.

Обгоревшие и оплавленные обода колес въехали в землю. Над кабиной возвышался остов согнутого рулевого колеса, похожего на увядшую, клонящуюся к земле ромашку.

Длинный фургон-полуприцеп тоже сильно пострадал. Видно, его тонкие стенки сразу не выдержали пламени и сложились, как карточный домик. Так они и спеклись грудой, будто пирог у неумехи Натальи, живущей на другом конце деревни.

Чем ближе к машине, тем вонь и гарь становились невыносимее. Баба Нюра, закрыв уголком платочка рот и нос, несмело двинулась вперед. Очень уж ее разбирало старушечье любопытство – что это там в кабине грудой лежит?

Ее не пугали ни вонь, ни то, что сгоревшая машина еще местами дымилась, ни просевший грунт.

«Неужто такая гроза вчера была? – думала она. – Что-то я не припоминаю... Ан нет, погоди-ка... А вечерочком-то... Совсем память потеряла, старая. Видно, была гроза-то. Я Маньку доить вела, а за лесом два раза гром грохотнул. Только вот молнию я не видела, да и небо вроде ясное оставалось... Так то над избой моей, а что там, за лесом, творилось, кто знает. Может, и гроза».

Баба Нюра подошла поближе, опираясь на палку, и остановилась на краю обгоревшей травы.

Поясницу после долгого хождения по лесу начинало потихоньку ломить, и старуха стояла, склонившись больше обычного.

Взгляд ее упал на какие-то темные пятна, которые вели от машины в лес.

Не веря своим глазам, баба Нюра наклонилась и пальцем притронулась к пятну. Солидол, что ли, али масло какое?

Нет, не похоже на масло. Подслеповато щурясь, старуха поднесла к глазам испачканный чем-то темным палец и обмерла. Да это же кровь!

В страхе она снова начала оглядываться по сторонам. Неужто зарезали кого?

– Ох ты, батюшки.

Старуха отступила в сторону и, наклонившись еще раз, вытерла палец о чистую траву. Надо бы поскорее вернуться в деревню, рассказать людям, что видела. Но прежде...

Любопытство все-таки пересилило, и баба Нюра двинулась ближе к машине.

В нескольких метрах от обгорелого остова кабины она остановилась и стала приглядываться.

Чуть дальше, под просевшими обугленными колесами, она увидела что-то круглое и закопченное.

Эта штукавина напоминала бидон вроде тех, в которые доярки на колхозной ферме молоко разливают, а потом возчик Федот на своей хромой кобыле возит.

Но не бидон привлек внимание бабы Нюры. Разобрав наконец, что находится в кабине, она охнула и снова перекрестилась.

Повернувшись набок, словно глядя в глаза старухи, на нее скалился череп с пустыми глазницами, такой же обгорелый и закопченный, как то, что раньше называлось автомобилем.

Рядом с черепом лежала груда костей, сильно обгоревших, но еще сохранявших форму человеческого скелета. Рука была вытянута в сторону, тонкие косточки сжимали монтировку.

Подхватив свое лукошко, баба Нюра кинулась назад.

– Ой, батюшки-светы, что ж это творится? Надо бы в деревню поскорей вернуться, бригадира найти.

Глава 8

Константин проснулся оттого, что яркие лучи солнца били прямо в лицо. С трудом продрав глаза, он приподнялся на кровати и огляделся. В квартире стояла непривычная тишина.

Обычно из комнаты Игната доносился шум работающего телевизора. Сейчас лишь откуда-то издалека доносились детские крики.

– Витька, пасуй мне, пасуй!

На спортивной площадке за домом пацаны играли в футбол.

«Эх, – подумал Константин, – сейчас бы встряхнуться, сбросить годков десять и погонять мячик».

Подумав о пользе спорта для здоровья, Константин тут же потянулся к небольшому журнальному столику, стоявшему возле кровати, сгреб с него пачку «Кэмела», зажигалку и закурил.

Шлепая босыми ногами по паркетному полу, он прошел на кухню и принялся варить себе кофе. «Надо сделать покрепче, чтобы мозги прочистить, – думал он. – По-моему, я так и не проспался».

Состояние и на самом деле было мутное, словно с похмелья.

Нет, пожалуй, полегче. Затягиваясь крепким «Кэмелом» и отхлебывая черный, как ночное небо, кофе, Константин уселся за стол. Надо собраться с мыслями.

«Итак, – думал Константин, – подведем итог вчерашнего дня. Нет, суток. С самого утра влип в какую-то идиотскую историю. Труп на дороге. Гаишник этот ненормальный. Бешеный грузовик... Зачем мне все это надо? Ну ладно бы еще кому-нибудь нормальному помогал, или, как выражались на зоне, порядочному человеку, а то ведь ментяра обыкновенный, да к тому же псих. Ну да, – он скривил губы в скептической усмешке, – а сам-то я нормальный после всего этого? „Волгарь“ разбил. Ладно, черт с ними, с деньгами. Как говорил Карлсон, который живет на крыше, дело житейское. Машину новую купим. Хотя... Интересно, куда ее утащили?»

Сделав из чашки несколько глотков, он рассеянно помешивал ложечкой густой черный напиток.

«Будете свидетелем по делу об убийстве сотрудника милиции, – вспомнил он слова, услышанные накануне, и снова усмехнулся. – Хорошо хоть не обвиняемым».

Константин потрогал царапину на лбу. Уже начинает пощипывать, значит, заживает.

Неожиданно раздался длинный настойчивый звонок в дверь.

– Кого там черти несут, – пробурчал Константин, поднимаясь из-за стола.

Звонок повторился еще и еще раз.

– Иду! – крикнул он еще раз и вполголоса добавил: – Хватит звонить, голова болит.

На пороге стоял, глупо улыбаясь, Олег Терентьев, его давний приятель, еще по секции карате.

– Конечно, – фыркнул Панфилов, – кого же еще можно было ожидать. Это ты, чудак с тринадцатой буквы?

Улыбка тут же сползла с лица Терентьева.

– Ты че ругаешься, Жиган? Я к тебе как к друбану, а ты меня на порог не пускаешь.

– Проходи.

Константин пропустил вперед Терентия, запер за ним дверь.

– Здраваться надо для начала...

– Здорово, здорово, корова, – приходя в свое обычное состояние, весело произнес Терентий. – Ты куда запропал? Меня за тобой из конторы прислали.

– Что, беспокоятся?

– Ага, как же без шефа. Кто у нас начальник в кооперативе, ты или я?

– Я тебе предлагал, становись моим замом.

На лице Терентия появилось такое кислое выражение, как будто он только что надкусил незрелую сливу.

– Слушай, Жиган, что ты как этот? Я этой фени гнилой не распекаю – зам, х...ям. Я не для этого создан.

– Что, так и останешься охранником на всю жизнь?

– А че? – вызывающе заявил Терентий. – Мне и в охранниках клево. Сутки дежуришь, двое дома. Каждый должен быть на своем месте.

– Ладно, не кипятись, – успокаивающе сказал Константин. – Кофе хочешь или чаю?

– Да ну их на хрен, и чай твой, и кофе, – развязно сказал Терентий. – Вот ежели б ты мне хавла стакашку плеснул.

Константин хмуро глянул на приятеля.

– Ты же сегодня на дежурстве.

– Ты, Жиган, че? Это я вчера был на дежурстве. Сегодня все, кончилась моя смена. Я уже домой собирался, да вот Жанка прилипла, как банный лист к жопе. Съезди, мол, проведай.

– Вон оно что, – понимающе кивнул Константин, – я так и думал, что это ее штучки. Ладно, у меня все равно водки нет.

– Че, выхлестал всю или на «конину» перешел? Так я «конину» тоже пью.

– Ладно, сейчас посмотрю. Оставалась где-то бутылка на антресолях.

Через минуту Константин вернулся на кухню, где за столом, протирая стаканы, сидел Терентий.

– Тебе повезло как покойнику, – сказал Панфилов, ставя на стол полбутылки «Столичной». – Не помню, откуда она взялась.

– Какая разница! – радостно потирая ладони, воскликнул Терентий.

Он взял бутылку, приложился к ней щекой, потом чмокнул губами этикетку.

– Нежно ты к ней относишься, – мельком бросил Константин, вытаскивая из холодильника колбасу, шпроты, сыр.

– А как же. Водка – это витамин, сказал Хо Ши Мин. Пить надо в меру, сказал Неру. Ребята, пей досыта, сказал Хрущев Никита, – продекламировал Терентий. – А что еще русскому человеку надо?

– Русскому человеку еще надо хоть иногда о душе думать.

– Когда ж о ней думать, как не за столом? Вот сейчас посидим, подумаем.

Терентий разлил водку по стаканам, абсолютно точно разделив ее на две равные порции.

– Миллиметраж, – самодовольно сказал он.

– Если бы не вчерашнее, я б с тобой, конечно, не прохлаждался, – сказал Константин, усаживаясь за стол.

– А что вчерашнее? – откликнулся Терентий.

Панфилов в двух словах рассказал ему о том, что случилось с братом, – без уточняющих подробностей. Просто случайно повредил позвоночник – и все.

Терентий сочувственно покачал головой и тут же залпом выпил.

– Это за брата твоего, – произнес он чуть запоздалый тост, набивая рот колбасой. – Чтоб выздоравливал.

– Да, – тихо добавил Константин, задержав свой взгляд на стакане.

Он еще раз добавил «да» и наконец выпил. Глядя на то, как он сморщился, Терентий укоризненно покачал головой и продекламировал:

– Жиган, водка – сила, спорт – могила. Нельзя так кривиться, когда белую употребляешь. Это же самый главный продукт.

– Кто сказал? – поинтересовался Жиган, закусывая.

– Я. Слушай, Жиган, хорошо сидим.

– Ну и что? – Константин сделал вид, что не понял такого прозрачного намека.

– Как что? – возбужденно воскликнул Терентий. – Продолжить надо. С каких это пор ты стал трезвенником, Жиган? – чуть заметно заикаясь, проговорил Терентий. – Бери пример с меня, в натуре.

– Это ты загнул, какой же я трезвенник? Когда надо – принимаю. Просто без дела не люблю.

– Так ведь сегодня же п-по делу.

– По какому делу?

Терентий развел руками.

– Так ведь брата...

Наверное, он хотел сказать что-то вроде «поминаем», но успел вовремя сообразить и поправиться.

– За брата пьем, за его здоровье. Чтоб поправлялся. Жиган, д-давай я еще сбегаяю.

– Вообще-то на работу надо бы сгонять, – сомневающимся голосом сказал Константин.

– Д-да ну ее к херам собачьим, эт-ту работу! – жестикулируя, воскликнул Терентий. – Пускай работает железная пила. Что ты все как проклятый в этой конторе сидишь?

Перехватив укоризненный взгляд Панфилова, Терентий поменял тональность.

– Нет, я серьезно, там все нормалек. Только Жанна на стуле ерзает. Обойдутся без тебя.

Константин понял, что так просто ему от Терентия не отвязаться.

– Держи.

Он сунул в ладонь приятелю несколько денежных купюр, и обрадованный Терентий тут же бросился к выходу.

– Я щас! – крикнул он на ходу. – Одна нога тут, другая там!

Константин знал, куда направляется его поделщик. В соседнем подъезде в расположенной на первом этаже малюсенькой однокомнатной квартире торговали водкой.

Об этом знали все, даже участковый милиционер, который и сам регулярно отоваривался, – конечно, бесплатно. Что ж, время было такое.

Константин едва успел привести себя в порядок, когда в дверь снова позвонили. На пороге стоял с сияющим видом Терентий.

– Во, два пузыря взял. Пятерик пришлось сверху переплатить, зато быстро.

– Зачем две?

– А вдруг одной не хватит? Мы же с тобой не алконавты какие-нибудь. Надо посидеть, за жизнь побазлантий.

На сей раз Константин достал из холодильника все, что там оставалось. Тем временем Терентий разливал водку по стаканам.

– Садись ты, – нетерпеливо сказал он Константину, возившемуся с закуской. – Жеванины нам хватит. Давай вздрогнем.

Они сдвинули стаканы, выпили. Терентий закусил водку колбасой и, прожевав, сказал:

– Чернявый предлагает стрелку забить.

Под погонялой «Чернявый» в определенных кругах города Запрудного знали Сергея Николаевича Чернова. Несколько месяцев назад он вернулся из мест не столь отдаленных, где провел довольно продолжительное время.

За плечами Чернявого были два срока – за кражу и ограбление.

Чернявый был невысок ростом, не отличался атлетическим телосложением – многие даже считали его тщедушным.

Но несмотря на это, ему довольно быстро удалось сколотить группу крепких ребят, взявших под свой контроль едва ли не половину города.

Константин хорошо знал, что Чернявому платят не только «наперсточники» и «каталы», но также базарные перекупщики и кооператоры.

Как-то раз, еще весной, Чернявый сам навестил Константина. С первого же взгляда Жиган понял, в чем сила этого человека.

У Чернявого был тяжелый, порой даже страшный взгляд, не лишенный определенной доли гипнотизма. Так смотрят на мир лишь те, кто провел за решеткой долгие годы.

Но Жигана трудно испугать взглядом. Разговор, состоявшийся у них с Чернявым, поначалу проходил напряженно.

Но Чернявый быстро понял, с кем имеет дело, и сбавил тон.

Представившись почитателем старых воровских традиций, он прозрачно намекнул на то, что Жигану неплохо бы отстегивать определенную, для начала небольшую, сумму в общак, чтобы греть тех, кто находится на зонах и откидывается после отсидки без гроша в кармане.

Взамен он обещал покровительство со стороны «синих» и спокойную жизнь для кооператива.

Поразмыслив, Жиган решил, что ссориться не стоит, но ограничился единовременным взносом и взял на себя обязательства принимать на работу в свой кооператив бывших эков – по мере возможности, конечно.

Судя по некоторым репликам Чернявого, он был наслышан о прошлом Жигана, и такой результат его в некоторой степени удовлетворял.

За время, прошедшее после этого разговора, Чернявый больше не напоминал о себе. Лишь несколько человек от его имени приходили с просьбой устроиться на работу в кооператив «Радуга».

Никому из них Жиган не отказал. Он дал всем бывшим экам хорошую работу, положил неплохие оклады, строго придерживаясь взятых на себя обязательств.

Услышав о том, что Чернявый хочет назначить ему встречу, Жиган на некоторое время задумался.

Без сомнения, Чернявому нужны деньги. К тому же, как слышал Жиган, в последнее время «синие» испытывали большие трудности в связи с «наездами» азербайджанцев.

Чернявый попытался вытеснить «азеров», или «обезьян», как он их называл, из города. Поначалу ему удалось установить свой контроль над городским рынком.

Азербайджанцы были вынуждены платить людям Чернявого за право торговать. Но после событий в Нагорном Карабахе, когда с юга в Подмоскowie хлынула волна беженцев, азербайджанская община в Запрудном значительно пополнила свои ряды.

Тем же путем к «азерам» прибывало оружие. Они осмелели и стали переходить к активному сопротивлению.

Вначале людей Чернявого, явившихся за очередным сбором дани, «азеры» избили и вышвырнули с рынка.

Чернявый, конечно, не остался в долгу, и его братва, отловив обидчиков, основательно намяла им бока. Несколько азербайджанцев в тяжелом состоянии попали в реанимацию.

Затем прогремели и первые выстрелы. Правда, обошлось без трупов, но раненые были.

И вот теперь Чернявый ищет встречи.

– А что, ты к нему в курьеры нанялся? – чуть отстраненным голосом сказал Жиган.

– Так ведь, – замялся Терентий, – меня попросили, я и передал. Мне-то чего? Чернявый – пацан нормальный. Мы же с ним через одну пересылку прошли.

– Что ему надо?

– Я п-почем знаю, – Терентий снова начал заикаться. – Он мне своих п-планов не докладывал. Сказал, мол, надо стрелку забить с Жиганом. И все. Т-ты же, говорит, его кореш. Передай.

– И все? Больше ничего не говорил?

– Н-ну так, – Терентий пожал плечами, – сказал, что «обезьяны» достали.

– Где ты с ним виделся?

– В «Олимпе».

Кафе «Олимп» открылось недавно на одной из центральных улиц города. По вечерам там работала дискотека.

Кафе принадлежало одному из кооперативов, который контролировал Чернявый. Он же избрал «Олимп» своей базой, штабом, если можно так выразиться.

Жиган глянул на часы, висевшие на стенке. Было начало седьмого.

Значит, кафе уже открылось после дневного перерыва и посетителей там немного. Обычно публика в таких заведениях начинает собираться часам к восьми-девяти.

– Он сейчас там? – спросил Жиган.

– Н-не знаю. А что? Т-ты к нему собираешься? – Терентий недоуменно уставился на Панфилова.

– Не люблю тянуть резину. Тачка твоя на ходу?

Жиган решительно встал из-за стола.

– погоди, погоди, – торопливо воскликнул Терентий, – мы же пузырь не добили!

– Ничего, в кабаке добьешь. – Жиган уже шагнул в прихожую.

– Так ешь твою вошь, – ругнулся Терентий, быстро наливая себе в стакан и выпивая водку с таким видом, будто это была его последняя в жизни доза. – Может, его там нет.

– Если нет, назад вернемся. Давай ключи.

* * *

Жиган припарковал машину напротив кафе «Олимп». Одноэтажное здание из красного кирпича с плоской, недавно залитой гудроном крышей располагалось между двумя девятиэтажными жилыми зданиями.

На стоянке у кафе, кроме «Жигулей», на которых приехали Терентий и Жиган, располагалась лишь одна машина – темно-синий «Опель-Рекорд» с разбитым левым подфарником.

Иномарок в городе было еще совсем немного, и владельцы каждой из них знали в лицо.

На этом темно-синем «Рекорде» ездил Чернявый.

Но сам он за руль не садился. Чернявого возил личный шофер по прозвищу Бычок – маленький низколобый крепыш с короткой стрижкой и угрюмым подозрительным взглядом.

Бычок был не только личным шофером Чернявого, но и его охранником. Сейчас он сидел в салоне машины, рядом с ним находился еще один коротко стриженный парнишка в кожаной куртке.

«Похоже, дела у Чернявого идут хреновато, – подумал Жиган. – Двое отбойщиков в машине, а сколько в кабаке?»

Дверца «Опеля» была открыта, охранники, флегматично дымя сигаретами, слушали магнитола. Из салона доносился хриплый голос тюремного барда.

Когда на стоянке остановилась машина Жигана, охранники обратили на нее немигающие взгляды.

Терентий помахал им рукой как старым знакомым. После этого Бычок и его подельник едва заметно кивнули и с равнодушным видом отвернулись.

– Твои друзья? – спросил Жиган, уже зная ответ.

– Братва, – весело улыбнулся Терентий.

– Бычка я знаю. А кто второй?

– Рэмбо, – не скрывая уважения, произнес Терентий. – По серьезной статье сидел, за мокруху.

– Семьдесят седьмая?

– Точно. Неслабый пацан.

– Похоже, не из наших краев.

- То ли из Рязани, то ли из Калуги. Я и сам не знаю.
- Как он здесь оказался?
- С Чернявым на зоне познакомился. А ему такие люди нужны.
- Ясно.

Они вышли из машины и направились к входу в кафе. У двери путь им преградил высокий амбал с рублеными чертами лица в неизменной кожаной куртке.

- Сандень, – глухим, словно замогильным голосом сказал он.

Действительно, на двери кафе висела табличка с кривой, от руки выведенной надписью карандашом.

- Т-ты чего? – воскликнул Терентий. – Это же я. Нам к Чернявому надо.
- Амбал равнодушно сплюнул, потом уставился на Жигана.
- А это кто?

Константин вдруг испытал острое, почти непреодолимое желание врезать этому жлобу по яйцам.

Он встречал подобных мордovorотов не впервые и всякий раз удивлялся – почему же бог награждает их силой и обижает мозгами?

- Это Жиган, – сказал Терентий, – у нас стрелка с Чернявым. Понял, Шварценеггер?
- Немного поколебавшись, амбал отступил.
- Вот так-то, – нравоучительно сказал Терентий, открывая дверь.

Они оказались в довольно просторном вестибюле, половину которого занимал гардероб с пустыми металлическими вешалками.

Несмотря на так называемый сандень, из зала доносилась негромкая музыка.

- Его что, на самом деле Шварценеггером зовут? – спросил Жиган. – Или ты пошутил?
- Не, в натуре, – серьезно сказал Терентий. – Ты же сам видел, какой шкаф.
- Бля, – не удержавшись, ругнулся Жиган, – не Подмосkовье, а Голливуд какой-то. Рэмбо, Шварценеггер – видаков насмотрелись...

Жиган не был в кафе «Олимп» после ремонта, и потому огромный полупустой зал произвел на него должное впечатление.

Столики располагались вдоль боковых стен. У противоположной стены на небольшом подиуме стояла мощная звукоусилительная аппаратура.

Из колонок, установленных в углах зала, доносилась музыка вышедшей из моды группы «Модерн Токинг». Мигала цветомузыкальная установка. С потолка свисал большой серебристый шар.

За столиком, расположенным у левой стены заведения, сидели трое.

Сбоку на стене висело включенное бра в форме цветка ромашки.

Чернявый сидел спиной к входу, неторопливо потягивая из стакана минералку.

Его спутники прикладывались к горлышкам маленьких, в серебристой фольге бутылочек, судя по всему, пивных.

Пристрастие Чернявого к минеральной воде могло удивить непосвященного, но Жиган знал, что Чернявый в рот не берет спиртного. Он сидел на кайфе, отдавая предпочтение «колесам». Таблетки ему привозили из Москвы, где с этим делом обстояло проще.

Чернявый вопреки своему прозвищу был русоволос, лицо его обрамляла небольшая аккуратно подстриженная борода.

Вообще его можно было принять за младшего научного сотрудника какого-нибудь заштатного отраслевого НИИ, если бы не взгляд и не татуировка на наружной стороне кисти – обвитый колючей проволокой факел с надписью «Свобода» внизу и инициалами «С.Ч.».

Пальцы Чернявого также украшала татуировка в виде перстней.

Первым к столику Чернявого подошел Терентий.

– Привет, бродяга, – сказал он.

Чернявый ответил ему исполненным достоинства кивком.

– Вот кореша привел.

Жиган в это время достал из кармана пачку сигарет и закурил.

– Прогуляйтесь, – обратился Чернявый к своим спутникам.

Двое коренастых крепких парней, мельком глянув на Жигана, встали из-за стола и неторопливо направились в вестибюль.

Терентий, вопросительно посмотрев на Жигана, потоптался на месте и отправился следом за людьми Чернявого.

– Пацаны, кто тут у вас гостям наливает? – услышал Жиган его голос.

Сам он уселся за столик напротив Чернявого и, оглядевшись по сторонам, откинулся на спинку стула.

Чернявый придвинул к нему чистый стакан и наполнил его минеральной водой из бутылки. После небольшой паузы он спросил:

– Может, чего-нибудь покрепче налить? Я-то не люблю, ты знаешь.

Судя по выговору, Чернявый пребывал слегка под кайфом, но держался спокойно и уверенно.

– Благодарю, – сказал Жиган, – в другой раз. Говорят, ты хотел меня видеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.